

ОДИН ГОЛОС.
ДВА МИРА.
ТЫСЯЧА ТАЙН.

04A

04A

Голос ПО СМЕНЕ

Иногда
самый страшный
враг — это то,
что ты готов
спасти.

ДЕЛО

Алексей Петровка

Голос по смене

«Автор»

2026

Петровка А.

Голос по смене / А. Петровка — «Автор», 2026

Ирина — диспетчер скорой. Три года каждую ночь она слушает один и тот же голос на волне 04А — водитель ритуальной службы Костя. Они ни разу не встретились. Но когда её задерживают за подделку документов, Костя бросает свой рейс, чтобы забрать её из участка. Теперь Ире грозит тюрьма из-за справки, которую она украла, чтобы спасти брата. Костя готов взять вину на себя — но знает ли он, что именно она скрывает? И почему его голос, который она слушает каждую ночь, становится для неё опаснее любого признания?

© Петровка А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Голос на волне 04А	5
Помятый архив	13
Списанный отец	18
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Алексей Петровка

Голос по смене

Голос на волне 04А

— Вызов на Тихвинскую, двадцать третий дом, — Ира снимает наушник, трёт запястье.
— Стас, оформи.

Стас крутится на стуле, скрип резины о линолеум. Он уже час крутится, как заведённый.

— Там бабка с давлением, — говорит он, не глядя в монитор. — Сто двадцать на восемьдесят, жалуется, что голова кружится.

— Оформи.

Ира смотрит на экран. Смена только началась, а в очереди уже семь вызовов. Серый свет монитора режет глаза. Она ставит чашку с остывшим кофе на край стола и накрывает её ладонью, будто греет. Кофе давно не греет — он просто стоит, и от него пахнет горечью, смешанной с запахом дезинфекции, въевшимся в стены. Его не выветришь форточкой. Но форточка открыта, и через щель тянет холодом, мокрым снегом, городом — тяжелым, сырым, как мокрая тряпка, брошенная у входа.

— Ира, — Стас перестаёт крутиться. — А почему у тебя на запястье ничего нет?..

Она убирает руку.

— Были часы.

— И где?

— Оформи.

Стас смотрит на неё. Он молодой, с гладким лицом, и ещё не научился не задавать вопросов. Она знает этот взгляд — через три месяца он перестанет. Через три месяца он станет как все, будет кивать и молчать. Через три месяца он тоже научится смотреть сквозь людей, не задерживаясь на их запястьях.

— Ну и зря, — говорит он. — Я бы свои не снял. Даже ночью.

Ира ничего не отвечает. Она снимает трубку внутренней связи и называет номер бригады. На том конце что-то бормочут, скрипит койка — водитель проснулся.

— Четвёртый, Тихвинская, двадцать три, — говорит она. — Давление, пожилая.

— Принято.

Щелчок. Стас снова крутится.

— Когда смена закончится? — спрашивает он.

Ира смотрит на часы на мониторе. Двадцать три ноль две.

— Через восемь часов пятьдесят восемь минут.

— Спасибо, — говорит Стас. — Теперь я точно не усну.

Она не отвечает. С того ноября она не улыбается. В тот день она вернулась домой, разобрав сумку, повесила куртку на плечики — аккуратно, как учил брат, — и села у окна. С тех пор уголки губ у неё опущены, даже когда она отвечает на вызовы. Стас об этом не знает. Никто не знает. Ира и сама почти не помнит, как это — улыбаться. Она помнит, как брат смеялся, когда чинил её велосипед, помнит, как он говорил: «Ирка, ты у меня математик, а не лирик. Лирики улыбаются, математики считают». Она считает. Она считает секунды до конца смены, считает вызовы, считает пульс у тех, кто звонит. Она не улыбается — это не входит в её расчёты.

На пульте вспыхивает сигнал. Ира протягивает руку прежде, чем успевает подумать, — пальцы уже давно живут отдельно от головы. В динамике треск, потом скрип.

— Скорая, слушаю.

Тишина. Потом голос — низкий, с хрипотцой, будто человек спит на ходу:

— Ноль четыре А.

Ира смотрит на экран. Строка вызова пустая — ни адреса, ни имени, ни времени. Только мигающий курсор.

— Повторите код.

— Ноль четыре А. Ты слышишь.

— Вызов не оформлен, — говорит она. — Назовите адрес.

— Записывай. Мне нужно встретиться с тобой.

Ира смотрит на пульт. Пальцы её лежат на клавиатуре, но не двигаются. Она слышит, как в динамике шумит мотор — низкий, грузовой, будто кто-то держит телефон у окна кабины. Кто-то ездит ночью по городу, мотает смену за сменой.

— С кем? — спрашивает она.

— Ты узнаешь. Когда услышишь.

— Я не узнаю, если вы не назовёте имя.

Щелчок. Связь отключается.

Ира смотрит на экран. Курсор мигает в пустой строке. Потом, через секунду, в графе «код» появляется что-то. Четыре символа.

04А.

Её палец касается клавиатуры. Она хочет удалить запись — отменить, забыть, переписать. Но Стас за её спиной произносит:

— А что это за код? У нас нет такого.

Ира смотрит на экран. Вызов значится как «04А», хотя такого кода нет в справочнике. Она листает справочник — триста двадцать кодов, от «01» до «09», от «10» до «99», от «100» до «999». Нет «04А». Она проверяет дважды. Потом в третий раз, будто от этого что-то изменится.

Она пишет в графе примечание: «не идентифицирован». Пальцы на клавиатуре дрожат. Она сжимает их в кулак, потом разжимает. На экране буквы пляшут — «не идентифицирован» превращается в «не иденти». Она стирает и пишет заново, медленно, по буквам.

Стас снова скрипит.

— Ну и что это было? — спрашивает он.

— Сбой.

— Ага. И что, часто бывает?

— Бывает.

— Ни разу не видел.

— Начнёшь видеть.

Ира выключает монитор. Чёрный экран отражает её лицо — бледное, с тенями под глазами. Она смотрит на отражение и не узнаёт себя. С ноября она почти не смотрится в зеркала. Она знает, что там — женщина с опущенными уголками губ, с пустым запястьем, с чашкой кофе, которую она не пьёт.

Через двадцать минут — снова сигнал. Тот же низкий голос, та же хрипотца. Теперь она ждёт его, и это хуже всего.

— Ты одна? — спрашивает он.

— Кто это?

— Убери стажёра.

Ира смотрит на Стаса. Он сидит в углу, листает телефон, что-то переписывает. На экране его телефона вспыхивает уведомление — она видит краем глаза, какая-то игра, цветные шарики. От них режет глаза.

— Стас, — говорит она. — Сходи за кофе.

— Но у тебя же есть.

— Этот остыл.

Стас смотрит на её чашку, потом на неё. Он не задаёт вопросов — он уже чему-то научился. Он берёт куртку со спинки стула, накидывает на плечи и идёт к двери. Его шаги стучат по линолеуму — ровно, без спешки. Дверь закрывается. Скрип стула затихает в коридоре.

— Говорите, — говорит Ира.

— Ты одна, — говорит голос. Не спрашивает. Утверждает.

— Что вам нужно?

— Документы. Из архива.

Ира сжимает трубку. Архив закрыт после полуночи. Архив закрыт всегда, если нет подтверждения. Об этом знают все, кто работает на станции. Об этом знают даже те, кто не работает — это написано на двери, белой краской по металлу: «Доступ ограничен».

— Архив не работает, — говорит она.

— Ты можешь открыть.

— Не могу.

— Можешь. Ключ у дежурной смены.

Ира молчит. Она смотрит на свои руки — на пустое запястье, на чашку с остывшим кофе, на клавиатуру, где буквы «О» и «Л» стёрлись от пальцев. Она думает: как он знает про ключ? Как он знает про дежурную смену? Ключ от архива хранится в сейфе, код от сейфа знают два человека — старший диспетчер и заведующий станцией. Она не знает кода. Она даже не знает, как выглядит ключ — она видела его один раз, в руках заведующего, когда тот открывал архив, чтобы сдать старые отчёты.

— Вы кто? — спрашивает она.

Тишина. Потом шум мотора — низкий, грузовой. Двигатель глохнет на полсекунды. Потом заводится снова. Ира слышит, как кто-то вздыхает — тяжело, будто поднимает груз.

— Ты знаешь, кто я, — говорит голос. — Ты просто не хочешь вспоминать.

— Я не знаю вас.

— Врёшь.

Ира смотрит на пульт. Второй сигнал — Московская, тридцать четыре, открытый перелом. Строка мигает красным. Она должна взять трубку. Она должна ответить. Но пальцы её лежат на клавиатуре, и она смотрит на буквы, которые не складываются в слова.

— Есть вызов на Московской, — говорит она. — Я должна ответить.

— Не должна.

— Должна.

Она смотрит на пульт. Второй сигнал — Московская, тридцать четыре, открытый перелом. Она должна взять трубку. Она должна сделать свою работу. Она делает свою работу уже три года — три года, триста шестьдесят пять дней в году, двадцать четыре часа в сутки, восемь часов за смену. Она не пропустила ни одного вызова. Ни одного. Даже когда у неё была температура. Даже когда она сломала палец на правой руке и печатала левой. Даже когда брат звонил ей в середине смены и говорил: «Ирка, я попал в аварию».

Её рука тянется к трубке. Пальцы немеют, будто ударило током, ладонь покрывается испариной. Она не понимает, что заставляет её, но знает: этого делать нельзя. Холод ползёт от запястья к локтю, и она отдёргивает руку.

— Ты знаешь, — говорит голос. — Про аварию.

Ира замирает.

— Про ноябрь.

Её пальцы касаются трубки. Она не поднимает её. Она слушает голос, который говорит ей то, чего никто не знает.

— Твой брат был там, — говорит голос. — Но он не был за рулём.

Ира молчит. Она смотрит на свои руки. На запястье, где были часы. На чашку с кофе, который остыл. На буквы «О» и «Л», стёршиеся от пальцев.

— Неправда, — говорит она.

— Проверь архив.

— Архив закрыт.

— Открой.

Пульт мигает. Московская, тридцать четыре. Московская, тридцать четыре. Московская.

Ира смотрит на экран. Она должна ответить. Она не может не ответить. Она уже пропустила двенадцать секунд — двенадцать секунд, за которые человек мог умереть. Она считает: тринадцать секунд. Четырнадцать. Пятнадцать.

Она снимает трубку.

— Третий вызов, Московская, тридцать четыре, — говорит она. — Открытый перелом.

— Принято, — говорит голос диспетчера на том конце.

Ира опускает трубку.

Она смотрит на пульт, на мигающий курсор, на строку вызова.

04А.

— Ты ещё здесь? — спрашивает она.

Тишина.

Она не знает, сколько проходит. Может, минута. Может, две. Потом динамик оживает, но голос другой — прерывистый, захлёбывающийся:

— Моя сестра! Ей плохо! Тринадцатая!

Ира щёлкает на новую строку.

— Адрес, возраст, что случилось?

— Не дышит! Она не дышит!

Голос срывается на крик. Ира слышит на фоне чьи-то руки — хлопки, шум, дыхание.

— Назовите адрес, — говорит она.

— Я не знаю! Я не знаю адрес! Я у сестры!

Ира смотрит на экран. Номер абонента высветился автоматически. Она знает этот район — спальный, тридцать минут езды, ночь, гололёд.

— Ваше имя? — спрашивает она.

— Неважно! Ей плохо!

— Вызовите скорую, — говорит она. — Я переведу вас на бригаду.

— Вы — скорая!

Ира молчит. Она понимает, что он прав. Она — скорая. Она — голос на том конце провода, который должен решить, кто получит помощь. Она смотрит на строку «04А» в журнале. Она думает о том, что голос с хрипотцой ждёт её ответа. Она думает о том, что он сказал про ноябрь.

Потом она смотрит на вторую строку — «тринадцатая», — и набирает номер ближайшей бригады.

— Четвёртый, тринадцатая, срочно.

— Принято.

Она смотрит, как вызов уходит. Как время на экране бежит — 23:37. Она переводит дыхание. Глоток не проходит — во рту сухо, будто она час не пила. Она тянется к стакану воды, но тот пуст. Она ставит его обратно.

В наушнике снова шорох. Тот голос, низкий, возвращается, будто он никогда не уходил:

— Ты ответила не на тот вызов.

Ира сжимает трубку.

— Я ответила на тот, который был нужен.

— Но не тот, который важнее.

Щелчок. Голос исчезает.

Ира смотрит на экран. Строка «тринадцатой» погасла — бригада приняла вызов. Строка «04А» всё ещё мигает, не отменённая. Она смотрит на неё и не понимает, почему не нажимает «отменить». Это было бы просто. Один щелчок — и нет записи. Один щелчок — и нет голоса. Один щелчок — и можно забыть про ноябрь, про аварию, про то, что брат не был за рулём.

Она не нажимает.

Она трёт запястье. Кожа под пальцами гладкая — от часов осталась светлая полоска, которая не загорает уже полгода. Она проводит по ней пальцем, будто проверяет, на месте ли. Часов нет. Полоска есть.

Стас возвращается с кофе — двумя стаканами, один протягивает ей.

— Ты не спала? — спрашивает он.

— Я работала.

— Ага. Ну и что это было?

— Что?

— Вызов какой-то странный. Код не тот.

Ира смотрит на него. Он держит свой кофе, не пьёт, ждёт ответа. Глаза у него молодые, любопытные — ещё не выцветшие, не научившиеся смотреть сквозь.

— Сбой, — говорит она.

— Ага. И часто у вас сбой?

— Начнёшь видеть.

Стас смотрит на неё. Он хочет спросить ещё что-то — она видит это по его губам, которые уже приоткрылись. Но он не спрашивает. Он делает глоток кофе и морщится — обжёгся. Ира берёт свой стакан и не пьёт. Она держит его в ладонях, греет руки.

За окном — мокрый снег. Он падает на подоконник, тает, стекает по стеклу. Ира смотрит на снег и думает о брате. О том, как он говорил: «Ирка, снег — это вода, которая замерзла. Всё просто». Она думает о том, что он был на той дороге. О том, что он не был за рулём. О том, что она не знает, кто был за рулём. Она думает о том, что не хочет знать.

Пульт мигает. Новый вызов — Ленинградская, сорок один, ребёнок с температурой. Она снимает трубку.

— Третий вызов, Ленинградская, сорок один, — говорит она. — Ребёнок, температура.

— Принято.

Щелчок. Она смотрит на экран. Строка «04А» всё ещё мигает. Она не нажимает «отменить». Она не нажимает «принять». Она не нажимает ничего.

— Стас, — говорит она.

— М?

— Если я попрошу тебя кое-что проверить — ты сможешь?

Он смотрит на неё. Глаза у него становятся серьёзными, даже старше.

— Что проверить?

— Архив. Там есть дело за ноябрь. Про аварию.

Стас молчит. Он смотрит на неё, потом на пульт, потом на пульт. Он не спрашивает, зачем ей это. Он говорит:

— Ключ у дежурной смены.

— Я знаю.

— Но это после полуночи нельзя.

— Я знаю.

— Тогда как?

Ира смотрит на экран. Час — 23:52. До полуночи восемь минут. Архив закрыт после полуночи. Архив закрыт всегда, если нет подтверждения. Но подтверждение можно получить. Подтверждение — это подпись заведующего. Заведующий ушёл в двадцать два ноль ноль.

— Никак, — говорит она.

Стас смотрит на неё. Он хочет сказать что-то ещё — она видит это по его пальцам, которые барабают по стакану. Но он молчит. Он делает глоток кофе. Он смотрит на снег за окном.

В 23:42 вызов снимается сам. Ира смотрит на экран: вызов снят, но в графе «абонент» — пусто. Она смотрит на эту строку — пустую, белую, как снег за окном. Она думает о том, что голос с хрипотцой знает то, чего никто не знает. Она думает о том, что он сказал про брата. Она думает о том, что архив стоит в коридоре, за дверью с белой надписью, и что ключ от него висит в сейфе, и что она не знает кода.

Она смотрит на свои руки. На пустое запястье. На чашку с остывшим кофе. Она думает о том, что брат носил часы — большие, мужские, с потёртым ремешком. Он говорил: «Ирка, часы — это время, которое ты носишь на руке. Если не носишь — значит, ты не живёшь». Она сняла свои часы в тот день, когда его не стало. Она положила их в коробку и убрала в шкаф. Она не носит часы. Она не живёт. Она — голос на том конце провода, который должен решить, кто получит помощь.

Стас допивает кофе и ставит стакан на стол.

— Ира, — говорит он.

— М?

— Ты в порядке?

Она смотрит на него. Он молодой, с гладким лицом, и он ещё не научился не задавать вопросов. Она хочет сказать ему правду. Она хочет сказать ему, что не в порядке. Что голос с хрипотцой звонит ей второй раз за смену. Что код «04А» не значится в справочнике. Что она сняла часы в тот день, когда брат умер, и не надела их с тех пор.

Она говорит:

— В порядке.

Стас смотрит на неё. Он кивает. Он не верит — она видит это по его глазам. Но он не настаивает. Он учится.

Ира смотрит на пульт. Строка «04А» мигает. Она нажимает «отменить». Запись исчезает с экрана. Но в журнале остаётся строчка — «04А, абонент не идентифицирован». Она не может стереть её. Она не может отменить то, что слышала.

Она смотрит на часы на мониторе. 23:58. До конца смены семь часов пятьдесят шесть минут. Она считает секунды.

В 23:59 её личный телефон вибрирует. Один сигнал — код 04А. Она смотрит на экран телефона, потом на пульт. На пульте строка вызова всё ещё мигает, будто ждёт её решения. Она не нажимает «принять». Она не нажимает «отклонить». Она держит телефон в руке и смотрит, как экран гаснет.

Стас смотрит на неё. Он видит телефон в её руке. Он видит, как она смотрит на него, будто на змею. Он говорит:

— Ира?

Она не отвечает. Она смотрит на телефон. На экране — уведомление. Одно слово.

«Вспомни».

Она поднимает глаза. Стас смотрит на неё. За окном — мокрый снег. Она смотрит на снег, и через секунду телефон вибрирует снова. Один сигнал. Код 04А. Она не нажимает «принять». Она держит телефон в руке и смотрит, как экран гаснет, а потом загорается снова — и на нём появляется сообщение. От неизвестного номера. Короткое, из двух слов.

«Вспомни ноябрь».

Ира смотрит на экран. Пальцы её лежат на клавиатуре. Она не нажимает ничего. Она смотрит на слово «ноябрь» и чувствует, как холод поднимается от шеи к ушам, к затылку. Она сглатывает, но во рту сухо, и глоток не проходит. Она смотрит на телефон и не нажимает «удалить». Она не нажимает «заблокировать». Она не нажимает ничего.

Стас смотрит на неё. Он видит, как она побледнела. Он видит, как она держит телефон, будто он может взорваться. Он хочет спросить, что случилось — она видит это по его губам, которые уже приоткрылись. Но он не спрашивает. Он молчит. Он учится.

Ира смотрит на телефон. На экране — одно слово. «Вспомни». Она перечитывает его. Потом ещё раз. Потом ещё. Она не вспоминает. Она не хочет вспоминать. Она смотрит на пустое запястье и думает о часах. О больших, мужских, с потёртым ремешком. О том, как брат надевал их каждое утро, как поправлял ремешок, как говорил: «Ирка, время — это самое главное. Не опаздывай».

Она не опоздала. Она сняла часы в тот день, когда он умер. Она не надела их с тех пор. Она не носит время на руке. Она носит его в голове — секунды, минуты, часы, смены. Она считает. Она считает каждую секунду, которую не могла вернуть.

Пульт мигает. Новый вызов — Невский проспект, пять, мужчина жалуется на боль в груди. Ира снимает трубку.

— Третий вызов, Невский, пять, — говорит она. — Боль в груди, мужчина.

— Принято.

Щелчок. Она смотрит на телефон. Экран погас. Она кладёт его на стол, рядом с чашкой остывшего кофе. Она не убирает его. Она оставляет его там, где может видеть.

Стас смотрит на неё. Он видит телефон. Он видит чашку. Он видит её руки, которые лежат на клавиатуре, но не двигаются. Он хочет сказать что-то — она видит это по его пальцам, которые теребят край стакана. Но он молчит.

В 00:02 телефон вибрирует снова. Один сигнал. Код 04А. Ира смотрит на экран. На нём — новое сообщение. От неизвестного номера. Три слова.

«Открой архив».

Она смотрит на сообщение. Потом на пульт. Потом на дверь, за которой коридор, а в конце коридора — дверь с белой надписью «Архив». Ключ от неё висит в сейфе. Код от сейфа она не знает. Но она знает, где лежит запасной ключ. В кабинете заведующего, в ящике стола, под папкой с отчётами. Она видела, как он клал его туда, когда думал, что она не смотрит.

Она смотрит на телефон. Она смотрит на дверь. Она смотрит на свои руки. Пальцы её лежат на клавиатуре. Они не двигаются.

— Стас, — говорит она.

— М?

— Сходи домой.

Он смотрит на неё. Он хочет возразить — она видит это по его глазам, которые расширяются, по его губам, которые приоткрываются. Но он не говорит ничего. Он смотрит на неё, потом на телефон на её столе, потом на дверь. Он учится. Он берёт куртку, накидывает на плечи.

— Ты уверена? — спрашивает он.

— Да.

Он кивает. Он выходит. Дверь закрывается. Скрип его шагов затихает в коридоре.

Ира сидит одна. Перед ней — пульт, чашка остывшего кофе, телефон с сообщением. За окном — мокрый снег. Она смотрит на снег и думает о ноябре. Она думает о том, что брат был на той дороге. Она думает о том, что он не был за рулём. Она думает о том, что не знает, кто был за рулём.

Она смотрит на телефон. На экране — три слова. «Открой архив». Она смотрит на дверь. За ней — коридор. В конце коридора — дверь с белой надписью. Она смотрит на свои руки. Они не дрожат. Она берёт телефон и кладёт его в карман халата. Потом встаёт, выключает пульт и идёт к двери. Она не знает, что найдёт в архиве. Она не знает, почему идёт. Она знает только, что не может не идти.

В коридоре темно. Горелка на стене мигает — одна лампа из трёх перегорела. Она идёт на свет, к двери с белой надписью «Архив». Она останавливается перед ней. Она смотрит на надпись. Она протягивает руку и поворачивает ручку. Дверь не заперта.

Внутри — стеллажи, папки, пыль. Пахнет бумагой, старой, сухой, как осенние листья. Ира проходит вдоль стеллажей, читает ярлыки на корешках: «Январь», «Февраль», «Март». Она идёт к полке с надписью «Ноябрь». Она тянется к папке. Она открывает её.

Внутри — отчёты, бланки, протоколы. Она листает страницы. Она ищет аварию. Она находит её — на третьей странице, внизу, сухими канцелярскими цифрами. «ДТП, один погибший, один пострадавший». Она читает. Она читает имя погибшего. Она читает имя пострадавшего. Она перечитывает. Она смотрит на страницу, потом на свои руки, потом на пустое запястье.

Она не знает, как долго стоит там. Она слышит, как где-то в здании гудит вентиляция. Она слышит, как за окном шумит мокрый снег. Она слышит, как в кармане халата вибрирует телефон. Один сигнал. Код 04А.

Она не достаёт телефон. Она смотрит на страницу в своей руке. На ней — имя брата. И под ним — другое имя, которое она не знает. Она перечитывает его. Она смотрит на часы на стене. 00:14. Она смотрит на телефон. Экран горит. Новое сообщение. Четыре слова.

«Ты нашла его».

Она смотрит на экран. Потом на страницу. Потом снова на экран. Она не отвечает. Она не нажимает «удалить». Она не нажимает ничего. Она держит папку в руках и стоит в темноте, среди стеллажей, и за окном падает мокрый снег.

Помятый архив

— Найди двадцать вторую страницу, — сказал Костя, и Ира почувствовала, как холодеют пальцы.

Она стоит в архиве, где пахнет пылью и старыми бумагами, и держит в руках папку, которую не должна была брать. Если найдут — уволят. Если не найдёт то, что он просит, — Костя расскажет всем, что она сделала в ноябре. А она сама не помнит, что сделала.

— Я не могу, — шепчет она в трубку. — Здесь записи. Здесь моя подпись.

— Ира. — Голос Кости низкий, с хрипотцой, будто прокуренный насквозь. — Ты уже там. Ты уже взяла папку. Обратного пути нет.

— Ты послал меня сюда.

— Послал.

Сжимает телефон сильнее. Пальцы скользят по краю папки, нащупывают шершавый канцелярский уголок. Открывает. Страницы шуршат, как сухие листья — ломкие, готовые рассыпаться.

— Здесь написано, что Тиша не был за рулём, — говорит она.

— Открой дело.

— Я открыла.

— Открой до конца. Двадцать вторая страница.

Ира листает. Быстро, почти не глядя на номера. Останавливается на двадцать второй. Читает. Буквы выцветшие, некоторые стёрлись от пальцев — «О» и «Л» почти не видны.

— Здесь... — замолкает. Перечитывает строку. Ещё раз. — Здесь написано, что водитель был один. Нет пассажира. Но Тиша.

— Дальше.

Переворачивает. Двадцать третья страница. Акт осмотра. Читает и не понимает. Читает ещё раз и понимает слишком хорошо.

— Это не чья подпись? — Водит пальцем по размытым чернилам. — Кто-то замазал.

— Найди оригинал, — голос Кости почти шёпот. — В деле есть подложная страница. Мне сказали — она вшита где-то в середину. Найди её.

Ира смотрит на папку. Толстая. Страниц на восемьдесят. Где-то между ними — страница, которая может её убить. Или спасти. Она не знает, чего больше.

— Такое... — замолкает, глотает слово. — Такое дело не может быть подложным. Это архив. Всё проверяется.

— Проверяется. Только не теми, кто проверяет.

Слышит, как на том конце зажигается двигатель. Короткий щелчок — и гул. Костя завёл «Газель». Он всегда так делает, когда нервничает.

— Ты знаешь, что там за страница? — спрашивает она. — Ты знаешь, что она скрывает?

— Мне сказали, она есть. И что ты найдёшь её быстро, если захочешь.

— Откуда...

Замолкает. Палец замирает на краю страницы. Перечитывает номер сверху листа. Справка 04В-117/2. Не называла этот номер вслух. Вообще не произнесла его ни разу — увидела в первую секунду, когда открыла папку. До этого — в журнале, за три дня, но вслух — никогда.

— Костя.

— Ну?

— Откуда ты знаешь номер справки, которую я ещё не открыла?

Тишина в трубке. Потом — короткий смешок, почти неслышный, выдохнутый сквозь зубы.

— Потому что у меня есть свои. Открой двадцать четвёртую.

Во рту пересыхает. Пальцы дрожат, когда она переворачивает страницу. Буквы плывут. Щурится, приближает лист к лампе — той самой, что мигает в углу архива, — и читает. Через минуту понимает, что ей нужно сесть. Через две — что стул в архиве один, и он скрипит. Через три — сидит, сжимая папку, и смотрит на страницу, которую не должна была видеть.

На двадцать четвёртой странице — список вызовов за ночь аварии. Двадцать три пункта. Всё обычное: инфаркты, ДТП, передозировки. Но в пункте четырнадцать, напротив времени 23:47, стоит отметка: «Вызов отклонён диспетчером. Причина: ложный». В графе «Адрес» — тот самый, который знает наизусть, потому что снился ей каждую ночь после аварии. В графе «Заявитель» — одно слово.

Никто.

Ира смотрит на слово. Знает, что не писала его. Помнит, что в ту ночь приняла вызов. Помнит, что бригада выехала. Помнит, что они опоздали. Но не помнит, чтобы отклоняла.

— Костя, — говорит она. Голос срывается. — Здесь написано, что я отклонила вызов. Но я не отклоняла. Я помню. Я приняла его.

— А что помнишь ещё?

Молчит. Пальцы гладят край страницы. Бумага шершавая, холодная.

— Я помню голос. Он сказал: «Скорая, срочно». Я ответила: «Что случилось?» Он сказал: «Авария, Тихвин, поворот на карьер». Я сказала: «Принято, бригада выезжает». А он сказал: «Не надо. Я сам».

— И что ты сделала?

— Я не помню.

Слышит, как Костя выдыхает. Длинно, с шумом, будто держал воздух все эти минуты.

— Теперь слушай меня. У тебя есть семь минут, пока охранник не начал обход. Я не шучу.

— Откуда ты знаешь про обход?

— Ира. Семь минут. Найди страницу. Сделай то, что я скажу. Потом выходи через запасной выход.

Гудки.

Смотрит на телефон. Потом на папку. Потом на часы на стене. 00:17. Обход начинается в 00:30. Знает, потому что смена — её, и график охранника — её забота. Семь минут.

Слышит звук — резкий, металлический. Дверь архива. Кто-то вставляет ключ в замок.

Замирает. Папка — в руках. Телефон — в кармане. Лампочка мигает: раз, два, три. Между стеллажами — темнота, в которой можно спрятаться, если двигаться тихо.

Встаёт. Стул скрипит. Замирает. Замок поворачивается — щелчок, мягкий, но отчётливый. Скользит между стеллажами, прижимая папку к груди, и прячется в темноте. Сжимает пустое запястье левой рукой, будто может удержать себя на месте.

Дверь открывается. Свет фонаря скользит по полу, по коробкам, по стеллажам. Шаги. Тяжёлые. Резиновые подошвы. Охранник. Узнаёт его по запаху — табак и кофе. Он всегда дежурит по ночам.

Телефон вибрирует. Вынимает его, не дыша. Экран горит: «Он уже здесь. Не выходи до 00:23. Потом — запасной выход через кабинет 04А».

Смотрит на сообщение. Потом на часы. 00:19. Четыре минуты. Слышит, как охранник идёт к её стеллажу. Останавливается. Зевает.

— Ну, и кто тут? — говорит он себе под нос. — А, ладно, мыши.

Не дышит. Папка — против груди, бумага — холодная. Сжимает её сильнее. Слушает, как шаги удаляются. Слушает, как замок щёлкает — закрывает дверь снаружи.

Телефон вибрирует снова. Разблокирует. «04А — это не кабинет. Это код. Ты знаешь, что делать».

Смотрит на папку. На страницу. На пункт четырнадцать. На слово «Никто». Перечитывает последнее сообщение. Потом — первое, которое получила полчаса назад: «Вспомни ноябрь».

Смотрит на монитор в углу комнаты. Старый, пыльный, включённый в розетку с прошлой недели. Сама его включила, когда проверяла систему. Сама оставила работать. Знает, что экран гаснет через сорок секунд бездействия, но клавиатура помнит её руки.

Подходит к столу. Папку кладёт на край, не выпуская из пальцев. Другой рукой открывает базу. Вводит код. 04А.

Экран мигает. Загрузка. Слышит, как охранник за дверью переминается с ноги на ногу. Зевает. Говорит кому-то по рации: «Да всё тихо, сплю уже».

Открывает журнал вызовов. Ноябрь. Ночь аварии. 23:47. Пункт четырнадцать. Видит запись: «Вызов отклонён диспетчером. Причина: ложный». Видит своё имя. Видит своё время. Видит свой голос, который не помнит.

Рука замирает над клавиатурой. Она стирает запись.

Смотрит на пустую строку. Потом на папку. На страницу. На слово «Никто». Пальцы снова ложатся на клавиши. Открывает второе окно. Копирует файл. Сохраняет под именем «ноябрь_резерв».

Телефон вибрирует. Не глядя, нажимает «ответить».

— Ты сделала это? — голос Кости тихий, но в нём слышно что-то твёрдое, что она не узнаёт.

— Сделала.

— Стерла запись?

— Стерла.

Пауза. Слышит, как он выдыхает. Длинно, с шумом, будто держал воздух все эти минуты.

— Хорошо. — Голос меняется, становится мягче, но в нём всё ещё слышен металл. — Теперь выходи. Запасной выход через кабинет 04А. Там дверь ведёт в подсобку, а из подсобки — на улицу. Никто не увидит.

— Я знаю, где это.

— Ира. — Он замолкает. Слышно, как он трёт лицо ладонью. — Ты сделала правильно.

Она не отвечает. Смотрит на экран, где в углу мигает значок сохранённого файла. «ноябрь_резерв». Пальцы гладят край папки.

— Костя.

— Ну?

— Зачем тебе это? Зачем тебе запись, если её нужно стереть?

Тишина. Долгая. Шум мотора на том конце — он завёл двигатель.

— Есть вещи, которые должны исчезнуть, Ира. И есть вещи, которые должны быть сказаны. — Пауза. — Ты сделала правильно. Ты поняла меня?

Смотрит на экран. На значок файла. На пункт четырнадцать. На слово «Никто».

— Поняла.

— Выходи. Через пять минут я буду у запасного выхода.

Гудки.

Ира смотрит на телефон. Потом на экран. Потом на папку. Пальцы тянутся к клавиатуре. Открывает «ноябрь_резерв». Смотрит на запись, которую стёрла. На своё имя. На своё время. На свой голос, который не помнит.

Нажимает «сохранить как». Вводит новое имя: «04А_копия».

За дверью кашляет охранник. Сморгается. Зажигает сигарету. Слышно, как он трёт спичку о коробок. Треск — и запах серы пробивается сквозь щель.

Ира смотрит на монитор. На «04А_копия». На «ноябрь_резерв». Два файла. Один — для Кости. Другой — для неё.

Рука тянется к клавиатуре. Замирает.

Слышит, как охранник говорит по рации: «Да, на месте. Нет, тихо. Проверил уже. Да, заперто».

Смотрит на папку. На страницу. На пункт четырнадцать. На слово «Никто». На своё имя в списке.

Пальцы ложатся на клавиши. Открывает «04А_копия». Внутри — вся ночь. Все двадцать три пункта. Все отметки. Все подписи. Всё, что было до того, как она стёрла запись.

— Костя, — говорит она вслух. — Что ты скрываешь?

Ответа нет. Только шум мотора на том конце, который она не отключила. Слышит, как он дышит. Неровно. Сбивчиво.

— Ты ещё там? — спрашивает он.

— Здесь.

— Почему не выходишь?

Смотрит на экран. На файл. На слово «Никто». На своё имя.

— Скажи мне, что было в той ночи. Что ты знаешь.

— Ира.

— Скажи.

Тишина. Слышит, как он выключает двигатель. Щелчок зажигания — и тишина. Потом его голос — тихий, ровный, будто он говорит через силу:

— Я был там.

Ира сжимает телефон. Пальцы белеют. Смотрит на экран. На файл. На своё имя.

— Где?

— На повороте. В ту ночь. Я видел, как они выезжали. — Пауза. — Я видел, как Тиша сел за руль. И я видел, как он вышел.

— Что значит — вышел?

— Он не был в машине, когда она перевернулась. Он вышел до этого. Я видел.

Ира смотрит на папку. На страницу. На пункт четырнадцать. На слово «Никто». На своё имя.

— Тогда кто был за рулём?

Тишина. Долгая. Слышит, как он дышит. Неровно. Сбивчиво. Потом:

— Ты была права. Я послал тебя сюда не для того, чтобы ты стёрла запись.

Смотрит на экран. На файл. На своё имя.

— Я послал тебя, чтобы ты нашла её. И сохранила.

Пальцы замирают над клавиатурой. Смотрит на «04А_копия». На «ноябрь_резерв». На своё имя.

— Зачем?

— Потому что если ты стёрла запись — ты можешь уйти. Но если ты сохранила её — ты можешь вернуться.

Смотрит на дверь. На экран. На файл.

— Вернуться куда?

— В ту ночь. — Голос Кости срывается. — Я не могу жить с тем, что я видел. И не могу рассказать. Но ты можешь. Ты — диспетчер. Ты — голос. Ты можешь сказать то, что я не могу.

Смотрит на экран. На файл. На своё имя.

— Кто был за рулём?

— Ты не готова.

— Кто.

Тишина. Слышит, как он трёт лицо ладонью. Как дышит. Как говорит:

— Ты.

Ира смотрит на экран. На файл. На своё имя. На время в журнале. 23:47. На своё имя. На своё время. На свой голос, который не помнит.

— Я не была там.

— Ты была. Ты вышла с работы в 22:40. Ты взяла машину. Ты поехала на поворот. Ты была за рулём. — Пауза. — И ты вызвала скорую. Сама. Своего же номера.

Закрывает глаза. Вспоминает. Как в ту ночь взяла трубку. Как голос на том конце — с хрипотцой, с гулкостью, будто из пустого коридора, — сказал: «Скорая, срочно». Как ответила: «Что случилось?» Как он сказал: «Авария, Тихвин, поворот на карьер». Как сказала: «Принято, бригада выезжает». Как он сказал: «Не надо. Я сам».

Открывает глаза. Смотрит на экран. На файл. На своё имя.

— Это был я, — говорит Костя. — Я был тем голосом. Я звонил тебе. Я сказал «не надо». Потому что я видел, как ты вышла из машины. Как ты стояла над Тишей. Как ты плакала. И я не знал, что делать.

Ира смотрит на экран. На файл. На своё имя. Пальцы лежат на клавиатуре. Один файл — «04А_копия». Другой — «ноябрь_резерв». Один — для него. Другой — для неё.

Смотрит на дверь. На охранника. На монитор.

Ира сохранила оба файла, но, когда подняла глаза, дверь архива уже была открыта.

Списанный отец

Ира прячет флешку в карман куртки, пальцы не слушаются, пуговица — маленькая, скользкая, с острым краем. Она трет запястье — там пусто. Эта пустота становится привычной, как шрам.

Телефон вибрирует. Экран вспыхивает — «04А».

— Ты сохранила, — говорит Костя. Не вопрос. Утверждение.

— Да.

— Хорошо.

Ира смотрит на дверь архива. Полоса света под ней — охранник в коридоре, его тень движется, перекрывает, возвращается. Свет мигает каждые тридцать секунд.

— Зачем ты преследуешь меня? — шепчет она в трубку.

Тишина. Потом дыхание — низкое, с хрипотцой, будто он держит сигарету, но не затягивается.

— Я не преследую. Я жду.

— Чего?

— Когда ты вспомнишь.

Ира прижимается плечом к стеллажу. Металл холодный, сквозь халат. Пахнет бумагой, старой, сухой — и чем-то ещё, острым, как уксус. Она не знала, что архив пахнет уксусом.

— Я ничего не забыла, — говорит она. — Я помню ту ночь.

— Ты помнишь, что делала ты. — Голос Кости срывается. — А ты помнишь, что делала не ты?

Она замирает.

— Что?

— Моя смена, — говорит он. — Первая после ноября. Я приехал на станцию, а на моей магнитоле — чужая кассета. Старая, с записью. Я думал, забыл кто-то из водителей. Выкинул.

Пауза. Ира слышит, как он дышит. Коротко, рвано, как будто бежал.

— А потом я услышал голос. Тот самый. Скорую вызывали — я стоял у своей «Газели», и кто-то разговаривал по рации. Повторял слова. — Он замолкает. — Два последних слова. Всегда два последних слова.

Ира вдавливая ногти в ладонь.

— Я не понимаю.

— Ты повторяешь, — говорит Костя. — Когда стресс. Когда боишься. Ты не замечаешь, но ты повторяешь последние два слова собеседника. Так было и в ту ночь.

Она молчит. Слышит себя — как сказала «принято, бригада выезжает». Принято. Бригада. Она повторила его слова? Она не помнит.

— Я не понимаю, — повторяет она.

— Ты отклонила вызов.

— Что?

— Ты отклонила вызов, — говорит Костя. — В ночь аварии. Я не знаю, как это работает, но я знаю, что ты сидела за пультом. Я знаю, что ты была диспетчером. И я знаю, что мой отец лежал в той машине. И что вызов не дошёл.

Она опускается на корточки, спиной к стеллажу. Пол холодный, плитка с острыми краями.

— Твой отец...

— Был водителем скорой, — говорит Костя. — Двадцать лет. Ночная смена, как и ты. Его списали. После той ночи. Он не получил помощь — он был свидетелем. У него случился

инфаркт прямо на месте аварии. А когда его списали, он не выдержал. Сердце. Не выдержало сердце.

Ира молчит. В горле сухо, бумажная пыль оседает на губах. Она облизывает их, но суше не становится.

— Я видела тебя, — говорит она. — В ту ночь. Ты стоял у машины. У «Газели». Я думала, ты водитель.

— Я был водителем, — говорит Костя. — Ритуальной службы. Я приехал не на скорую. Я приехал на «Газели» с номером на брезенте. 04А. Это не номер скорой.

Ира закрывает глаза. В темноте — свет фар, разбитое стекло, мокрый асфальт. Она стоит над Тишей, он дышит, но не приходит в себя. И рядом — «Газель», тёмная, с пятном на плече водителя. Он смотрит на неё. Он видит её. Он видит, как она вытирает лицо.

— Ты видел, — шепчет она. — Ты видел, как я вышла из машины.

— Видел.

— И ты не рассказал полиции.

— Не рассказал.

— Почему?

Костя молчит. Потом говорит — тихо, почти одними губами:

— Потому что я хотел понять. Сначала понять. А потом — решить.

Ира сжимает трубку. Дверь архива скрипит — охранник открывает, заглядывает, закрывает. Она не дышит. Свет полосит по полу, тает в темноте.

— Ты хочешь, чтобы я заплатила за то, что сделала? — говорит она.

— Я хочу, чтобы ты признала, — говорит Костя. — Я хочу, чтобы ты помогла. У меня есть план.

— Какой план?

— Есть адрес. Есть человек, который знает, что случилось. Если ты поможешь — я вытащу нас обоих. Если нет — я сдам тебя полиции.

Дверь архива притягивает её взгляд. Охранник стоит за ней. Коридор узкий, бетонный, с лампой, которая мигает каждые тридцать секунд. Она знает этот коридор — она проходила по нему сто раз, когда заступала на смену.

— Ты тоже участник, — говорит она. — Ты знал об аварии. Ты был на месте. Ты не вызвал скорую — ты сказал «не надо».

— Я сказал «не надо», потому что я видел, что ты уже вызвала. — Голос Кости ломается. — А ты не вызвала. Ты сидела и молчала. Ты держала трубку и слушала, как я говорю «скорая, срочно», и ты сказала «принято, бригада выезжает». А бригада не выехала. Потому что ты не передала вызов.

Ира прижимает телефон к уху так сильно, что начинает болеть ухо. Она слышит собственное дыхание — короткое, частое, как у загнанной собаки.

— Я не знала, — говорит она. — Я не помню.

— Ты помнишь, — говорит Костя. — Ты помнишь, потому что ты повторяешь. Сейчас, когда я говорю — ты повторяешь. «Я не знала, я не помню» — ты сказала «не помню» дважды. Ты не знала, что делаешь, но ты делала.

Дверь архива открывается. Охранник — высокий, в тёмной форме, — входит. Ира замирает за стеллажом. Он смотрит вглубь помещения, щурится, делает шаг. Она слышит его дыхание — тяжёлое, с запахом кофе и табака.

— Есть кто? — говорит он в темноту.

Ира не дышит. Телефон прижат к груди — она слышит, как Костя говорит что-то, но не разбирает слов. Охранник делает ещё шаг. Его фонарь скользит по полу, выхватывает края стеллажей, тени, пыльные стопки.

— Спишь там, что ли? — говорит он. Смеётся. Разворачивается. Дверь закрывается — щелчок замка.

Ира выдыхает. Подносит телефон к уху.

— Он ушёл, — шепчет она.

— Я слышал, — говорит Костя. — Ты спряталась.

— Да.

— Хорошо. Слушай меня. Ты выйдешь через запасной выход. Он не охраняется. Там, за стоянкой, — моя машина. Ты сядешь, и мы поговорим.

— Я не сяду в машину.

— Сядешь. Потому что если ты не сядешь — я звоню в полицию. Я знаю, что ты ушла, а я не могу доказать, что это была ты. Эта мысль давит на грудь, как ремень безопасности на взлёте.

Ира сжимает флешку в кармане. Пластик нагрелся от пальцев. Она чувствует его — тонкий, ломкий, как осенний лист.

— Ты шантажируешь меня, — говорит она.

— Да, — говорит Костя. — Я шантажирую тебя. Потому что у меня нет другого способа. Ты — единственная, кто может подтвердить, что мой отец был на той аварии. Ты — единственная, кто может рассказать, почему вызов не прошёл. И ты — единственная, кто может помочь мне найти того, кто его списал.

— Ты говоришь про отца. — Ира встаёт. Колени скрипят. Она поправляет халат. — Ты говоришь, что его списали. Ты говоришь, что я виновата.

— Я говорю, что ты была там. А он — нет. Он лежал в своей машине, и он не знал, что его списывают. Он узнал утром. Ему позвонили. Сказали, что он не прошёл аттестацию. Что он больше не работает. Что ему не нужно приезжать за вещами — они пришлют по почте.

Ира молчит. Руки — бледные, с обкусанной кутикулой. Она трёт запястье. Часы не вернутся.

— Как его звали? — говорит она.

— Константин Иванович, — говорит Костя. — Мой отец. Ты звала его по рации, когда он выезжал на вызовы. Он говорил «на связи» — и выкашливал слово, потому что сигареты. Я говорил тебе, что ты повторяешь. Ты не знала. А он — знал.

Ира зажмуривается. В голове — голос из рации. Низкий, с хрипотцой, будто прокуренный насквозь. «На связи». Она слышала его сто раз. Она не знала, что это его отец.

— Я не знала, — говорит она.

— Ты повторяешь, — говорит Костя.

Ира открывает глаза. Охранник за дверью. Коридор пуст. Флешка в кармане. Копии файлов на ней — «04A_копия» и «ноябрь_резерв». Она сохранила оба.

— Ты хочешь, чтобы я признала, — говорит она. — Я признаю. Я была там. Я не передала вызов. Я не знаю, почему. Я не помню, что я делала. Но я была там.

— Это не всё, — говорит Костя. — Я хочу, чтобы ты помогла мне найти того, кто подделал моего отца. Кто подделал документы. Кто стёр запись. Ты можешь это сделать. Ты — диспетчер. Ты знаешь, как хранятся записи. Ты знаешь, как их стереть. И ты уже стёрла одну.

Ира смотрит на экран телефона. На часах — 00:40.

— Расскажи мне про отца, — говорит она. — Расскажи всё. И я сделаю, как ты просишь.

Тишина. Дыхание Кости — короткое, рваное, как будто он плакал, но не хочет показывать.

— Он был хорошим, — говорит Костя. — Он не заслужил. Он не пил. Он не курил. Он работал. Он приносил домой кефир — каждую смену, как талисман. И в ту ночь он вёз кефир домой. Он не выезжал на вызов. Он был свидетелем. Он остановился, чтобы помочь.

Ира замирает.

— Он остановился?

— Он увидел аварию, — говорит Костя. — Он остановился, чтобы помочь. Он вызвал скорую. Он говорил по рации. Он сказал «скорая, срочно». И он услышал, как ты ответила. «Принято, бригада выезжает». А потом — эта запись. «Не надо. Я сам». Это был мой голос. Я сказал это. Я не знал, что он слышит. Я не знал, что он на связи.

Ира смотрит на дверь. Свет под ней — мигает. Охранник в коридоре. Она слышит, как он кашляет.

— Ты сказал «не надо», — говорит она. — Ты сказал это.

— Я сказал, потому что я видел тебя, — говорит Костя. — Я видел, как ты стоишь над братом. Я видел, как ты плачешь. Я думал, ты вызвала скорую. Я не знал, что ты не вызвала. Я не знал, что мой отец слышит, как я говорю «не надо». Я не знал, что он потом скажет «я сам».

Ира закрывает глаза. В темноте — голоса. Свой — повторяющий слова. И голос отца — низкий, с хрипотцой, прокуренный насквозь. «Я сам». Как он сказал это? Он сказал «я сам» — и она не передала вызов. Она слушала, как он говорит «я сам», и она не передала вызов.

— Он умер из-за меня, — говорит она.

— Он умер, потому что я сказал «не надо», — говорит Костя. — Мы оба виноваты. Мы оба в этой яме.

Ира открывает глаза. Смотрит на телефон. На часы. На дверь. На свои пальцы — сжатые в кулак на флешке.

— Я выйду через запасной выход, — говорит она. — Я сяду в твою машину. Я расскажу тебе, что я знаю. Но ты расскажешь мне всё про отца. И ты не тронешь меня.

— Ты думаешь, я позволю тебе просто уйти? — говорит Костя. — Теперь мы оба в этой яме — и я вытащу нас, даже если придётся утопить тебя.

Ира выключает телефон. Суёт его в карман. Смотрит на дверь. Охранник кашляет. Свет мигает.

Она встаёт. Идёт к запасному выходу.

Запасной выход — тяжёлая железная дверь с табличкой «Аварийный». Она толкает её плечом. Петли скрипят. Снаружи — ночь, мокрая, с редкими фонарями на стоянке. Холодный воздух бьёт в лицо. Она делает шаг, второй — и останавливается.

За стоянкой, в тени тополей, стоит «Газель». Тёмная, с номером на брезенте — 04А. Фары выключены. Двигатель работает — она слышит низкий гул, как дыхание большого зверя.

Ира подходит. Дверца открывается — изнутри, чуть-чуть. Свет из салона падает на асфальт — узкая полоса, жёлтая, как предупреждение.

— Садись, — говорит Костя. Он сидит за рулём, локти на коленях, голова опущена. В салоне пахнет табаком и кефиром — картонный стаканчик в подстаканнике, тёплый ещё, как будто он привёз его с собой.

— Ты пьёшь кефир, — говорит она.

— Отец пил, — говорит он. — Я привёз ему в больницу. Он сказал — потом. Не допил.

Ира садится. Дверца захлопывается — тяжело, с металлическим щелчком, как замок в архиве. Она смотрит на стаканчик. На ободке — след от губ, высохший, белый.

— Зачем ты привёз его сюда? — говорит она.

— Не знаю. Привычка.

Она молчит. Смотрит через лобовое стекло — на стоянку, на фонарь, который мигает каждые тридцать секунд, как лампа в коридоре.

— Расскажи про отца, — говорит она.

Костя молчит. Потом трёт лицо ладонью — быстро, резко, как будто смывает что-то.

— Он говорил «на связи» всегда. Даже когда не был на смене. Я смеялся. Он звонил мне — «на связи». Я говорил «пап, ты не на работе». — Он смотрит в ветровое стекло. — Он говорил: «Я всегда на связи. Если что — набери меня. Я приеду».

Ира смотрит на стаканчик. Кефир. Тёплый. Она помнит этот запах — кислый, молочный, из детства, когда бабушка давала ей стакан кефира перед сном.

— Он был хорошим, — говорит Костя. — Он не заслужил. Он не пил. Он не курил. Он работал. Он приносил домой кефир — каждую смену, как талисман. И в ту ночь он вёз кефир домой. Он не выезжал на вызов. Он был свидетелем. Он остановился, чтобы помочь.

Ира замирает.

— Он остановился?

— Он увидел аварию, — говорит Костя. — Он остановился, чтобы помочь. Он вызвал скорую. Он говорил по рации. Он сказал «скорая, срочно». И он услышал, как ты ответила. «Принято, бригада выезжает». А потом — эта запись. «Не надо. Я сам». Это был мой голос. Я сказал это. Я не знал, что он слышит. Я не знал, что он на связи.

Ира смотрит на дверь. Свет под ней — мигает. Охранник в коридоре. Она слышит, как он кашляет.

— Ты сказал «не надо», — говорит она. — Ты сказал это.

— Я сказал, потому что я видел тебя, — говорит Костя. — Я видел, как ты стоишь над братом. Я видел, как ты плачешь. Я думал, ты вызвала скорую. Я не знал, что ты не вызвала. Я не знал, что мой отец слышит, как я говорю «не надо». Я не знал, что он потом скажет «я сам».

Ира закрывает глаза. В темноте — голоса. Свой — повторяющий слова. И голос отца — низкий, с хрипотцой, прокуренный насквозь. «Я сам». Как он сказал это? Он сказал «я сам» — и она не передала вызов. Она слушала, как он говорит «я сам», и она не передала вызов.

— Он умер из-за меня, — говорит она.

— Он умер, потому что я сказал «не надо», — говорит Костя. — Мы оба виноваты. Мы оба в этой яме.

Ира открывает глаза. Смотрит на телефон. На часы. На дверь. На свои пальцы — сжатые в кулак на флешке.

— Я выйду через запасной выход, — говорит она. — Я сяду в твою машину. Я расскажу тебе, что я знаю. Но ты расскажешь мне всё про отца. И ты не тронешь меня.

— Ты думаешь, я позволю тебе просто уйти? — говорит Костя. — Теперь мы оба в этой яме — и я вытащу нас, даже если придётся утопить тебя.

Ира выключает телефон. Суёт его в карман. Смотрит на дверь. Охранник кашляет. Свет мигает.

Она встаёт. Идёт к запасному выходу.

В коридоре пахнет хлоркой и старой краской. Она идёт медленно, считая шаги. Двадцать семь. Двадцать восемь. Двадцать девять. За спиной — архив, тёмный, с полосами света из-под двери. Охранник кашляет. Шаги — её собственные, но звучат чужими, как чужие шаги в пустом коридоре.

Запасной выход — тяжёлая железная дверь с табличкой «Аварийный». Она толкает её плечом. Петли скрипят. Снаружи — ночь, мокрая, с редкими фонарями на стоянке. Холодный воздух бьёт в лицо. Она делает шаг, второй — и останавливается.

За стоянкой, в тени тополей, стоит «Газель». Тёмная, с номером на брезенте — 04А. Фары выключены. Двигатель работает — она слышит низкий гул, как дыхание большого зверя.

Ира подходит. Дверца открывается — изнутри, чуть-чуть. Свет из салона падает на асфальт — узкая полоса, жёлтая, как предупреждение.

— Садись, — говорит Костя. Он сидит за рулём, локти на коленях, голова опущена. В салоне пахнет табаком и кефиром — картонный стаканчик в подстаканнике, тёплый ещё, как будто он привёз его с собой.

— Ты пьёшь кефир, — говорит она.

— Отец пил, — говорит он. — Я привёз ему в больницу. Он сказал — потом. Не допил.

Ира садится. Дверца захлопывается — тяжело, с металлическим щелчком, как замок в архиве. Она смотрит на стаканчик. На ободке — след от губ, высохший, белый.

— Зачем ты привёз его сюда? — говорит она.

— Не знаю. Привычка.

Она молчит. Смотрит через лобовое стекло — на стоянку, на фонарь, который мигает каждые тридцать секунд, как лампа в коридоре.

— Расскажи про отца, — говорит она.

Костя молчит. Потом трёт лицо ладонью — быстро, резко, как будто смывает что-то.

— Он говорил «на связи» всегда. Даже когда не был на смене. Я смеялся. Он звонил мне — «на связи». Я говорил «пап, ты не на работе». — Он смотрит в ветровое стекло. — Он говорил: «Я всегда на связи. Если что — набери меня. Я приеду».

Ира смотрит на стаканчик. Кефир. Тёплый. Она помнит этот запах — кислый, молочный, из детства, когда бабушка давала ей стакан кефира перед сном.

— Он был хорошим, — говорит Костя. — Он не заслужил. Он не пил. Он не курил. Он работал. Он приносил домой кефир — каждую смену, как талисман. И в ту ночь он вёз кефир домой. Он не выезжал на вызов. Он был свидетелем. Он остановился, чтобы помочь.

Ира замирает.

— Он остановился?

— Он увидел аварию, — говорит Костя. — Он остановился, чтобы помочь. Он вызвал скорую. Он говорил по рации. Он сказал «скорая, срочно». И он услышал, как ты ответила. «Принято, бригада выезжает». А потом — эта запись. «Не надо. Я сам». Это был мой голос. Я сказал это. Я не знал, что он слышит. Я не знал, что он на связи.

Ира смотрит на дверь. Свет под ней — мигает. Охранник в коридоре. Она слышит, как он кашляет.

— Ты сказал «не надо», — говорит она. — Ты сказал это.

— Я сказал, потому что я видел тебя, — говорит Костя. — Я видел, как ты стоишь над братом. Я видел, как ты плачешь. Я думал, ты вызвала скорую. Я не знал, что ты не вызвала. Я не знал, что мой отец слышит, как я говорю «не надо». Я не знал, что он потом скажет «я сам».

Ира закрывает глаза. В темноте — голоса. Свой — повторяющий слова. И голос отца — низкий, с хрипотцой, прокуренный насквозь. «Я сам». Как он сказал это? Он сказал «я сам» — и она не передала вызов. Она слушала, как он говорит «я сам», и она не передала вызов.

— Он умер из-за меня, — говорит она.

— Он умер, потому что я сказал «не надо», — говорит Костя. — Мы оба виноваты. Мы оба в этой яме.

Ира открывает глаза. Смотрит на телефон. На часы. На дверь. На свои пальцы — сжатые в кулак на флешке.

— Я выйду через запасной выход, — говорит она. — Я сяду в твою машину. Я расскажу тебе, что я знаю. Но ты расскажешь мне всё про отца. И ты не тронешь меня.

— Ты думаешь, я позволю тебе просто уйти? — говорит Костя. — Теперь мы оба в этой яме — и я вытащу нас, даже если придётся утопить тебя.

Ира выключает телефон. Суёт его в карман. Смотрит на дверь. Охранник кашляет. Свет мигает.

Она встаёт. Идёт к запасному выходу.

В коридоре пахнет хлоркой и старой краской. Она идёт медленно, считая шаги. Двадцать семь. Двадцать восемь. Двадцать девять. За спиной — архив, тёмный, с полосами света из-под двери. Охранник кашляет. Шаги — её собственные, но звучат чужими, как чужие шаги в пустом коридоре.

Запасной выход — тяжёлая железная дверь с табличкой «Аварийный». Она толкает её плечом. Петли скрипят. Снаружи — ночь, мокрая, с редкими фонарями на стоянке. Холодный воздух бьёт в лицо. Она делает шаг, второй — и останавливается.

За стоянкой, в тени тополей, стоит «Газель». Тёмная, с номером на брезенте — 04А. Фары выключены. Двигатель работает — она слышит низкий гул, как дыхание большого зверя.

Ира подходит. Дверца открывается — изнутри, чуть-чуть. Свет из салона падает на асфальт — узкая полоса, жёлтая, как предупреждение.

— Садись, — говорит Костя. Он сидит за рулём, локти на коленях, голова опущена. В салоне пахнет табаком и кефиром — картонный стаканчик в подстаканнике, тёплый ещё, как будто он привёз его с собой.

— Ты пьёшь кефир, — говорит она.

— Отец пил, — говорит он. — Я привёз ему в больницу. Он сказал — потом. Не допил.

Ира садится. Дверца захлопывается — тяжело, с металлическим щелчком, как замок в архиве. Она смотрит на стаканчик. На ободке — след от губ, высохший, белый.

— Зачем ты привёз его сюда? — говорит она.

— Не знаю. Привычка.

Она молчит. Смотрит через лобовое стекло — на стоянку, на фонарь, который мигает каждые тридцать секунд, как лампа в коридоре.

— Расскажи про отца, — говорит она.

Костя молчит. Потом трёт лицо ладонью — быстро, резко, как будто смывает что-то.

— Он говорил «на связи» всегда. Даже когда не был на смене. Я смеялся. Он звонил мне — «на связи». Я говорил «пап, ты не на работе». — Он смотрит в ветровое стекло. — Он говорил: «Я всегда на связи. Если что — набери меня. Я приеду».

Ира смотрит на стаканчик. Кефир. Тёплый. Она помнит этот запах — кислый, молочный, из детства, когда бабушка давала ей стакан кефира перед сном.

— Он был хорошим, — говорит Костя. — Он не заслужил. Он не пил. Он не курил. Он работал. Он приносил домой кефир — каждую смену, как талисман. И в ту ночь он вёз кефир домой. Он не выезжал на вызов. Он был свидетелем. Он остановился, чтобы помочь.

Ира замирает.

— Он остановился?

— Он увидел аварию, — говорит Костя. — Он остановился, чтобы помочь. Он вызвал скорую. Он говорил по рации. Он сказал «скорая, срочно». И он услышал, как ты ответила. «Принято, бригада выезжает». А потом — эта запись. «Не надо. Я сам». Это был мой голос. Я сказал это. Я не знал, что он слышит. Я не знал, что он на связи.

Ира смотрит на дверь. Свет под ней — мигает. Охранник в коридоре. Она слышит, как он кашляет.

— Ты сказал «не надо», — говорит она. — Ты сказал это.

— Я сказал, потому что я видел тебя, — говорит Костя. — Я видел, как ты стоишь над братом. Я видел, как ты плачешь. Я думал, ты вызвала скорую. Я не знал, что ты не вызвала. Я не знал, что мой отец слышит, как я говорю «не надо». Я не знал, что он потом скажет «я сам».

Ира закрывает глаза. В темноте — голоса. Свой — повторяющий слова. И голос отца — низкий, с хрипотцой, прокуренный насквозь. «Я сам». Как он сказал это? Он сказал «я сам» — и она не передала вызов. Она слушала, как он говорит «я сам», и она не передала вызов.

— Он умер из-за меня, — говорит она.

— Он умер, потому что я сказал «не надо», — говорит Костя. — Мы оба виноваты. Мы оба в этой яме.

Ира открывает глаза. Смотрит на телефон. На часы. На дверь. На свои пальцы — сжатые в кулак на флешке.

— Я выйду через запасной выход, — говорит она. — Я сяду в твою машину. Я расскажу тебе, что я знаю. Но ты расскажешь мне всё про отца. И ты не тронешь меня.

— Ты думаешь, я позволю тебе просто уйти? — говорит Костя. — Теперь мы оба в этой яме — и я вытащу нас, даже если придётся утопить тебя — Ты думаешь, я позволю тебе просто уйти? — говорит Костя. — Теперь мы оба в этой яме — и я вытащу нас, даже если придётся утопить тебя.

Ира выключает телефон. Суёт его в карман. Смотрит на дверь. Охранник кашляет. Свет мигает.

Она встаёт. Идёт к запасному выходу.

Запасной выход — тяжёлая железная дверь с табличкой «Аварийный». Она толкает её плечом. Петли скрипят. Снаружи — ночь, мокрая, с редкими фонарями на стоянке. Холодный воздух бьёт в лицо. Она делает шаг, второй — и останавливается.

За стоянкой, в тени тополей, стоит «Газель». Тёмная, с номером на брезенте — 04А. Фары выключены. Двигатель работает — она слышит низкий гул, как дыхание большого зверя.

Ира подходит. Дверца открывается — изнутри, чуть-чуть. Свет из салона падает на асфальт — узкая полоса, жёлтая, как предупреждение.

— Садись, — говорит Костя. Он сидит за рулём, локти на коленях, голова опущена. В салоне пахнет табаком и кефиром — картонный стаканчик в подстаканнике, тёплый ещё, как будто он привёз его с собой.

— Ты пьёшь кефир, — говорит она.

— Отец пил, — говорит он. — Я привёз ему в больницу. Он сказал — потом. Не допил.

Ира садится. Дверца захлопывается — тяжело, с металлическим щелчком, как замок в архиве. Она смотрит на стаканчик. На ободке — след от губ, высохший, белый.

— Зачем ты привёз его сюда? — говорит она.

— Не знаю. Привычка.

Она молчит. Смотрит через лобовое стекло — на стоянку, на фонарь, который мигает каждые тридцать секунд, как лампа в коридоре.

— Расскажи про отца, — говорит она.

Костя молчит. Потом трёт лицо ладонью — быстро, резко, как будто смывает что-то.

— Он говорил «на связи» всегда. Даже когда не был на смене. Я смеялся. Он звонил мне — «на связи». Я говорил «пап, ты не на работе». — Он смотрит в ветровое стекло. — Он говорил: «Я всегда на связи. Если что — набери меня. Я приеду».

Ира смотрит на стаканчик. Кефир. Тёплый. Она помнит этот запах — кислый, молочный, из детства, когда бабушка давала ей стакан кефира перед сном.

— Он был хорошим, — говорит Костя. — Он не заслужил. Он не пил. Он не курил. Он работал. Он приносил домой кефир — каждую смену, как талисман. И в ту ночь он вёз кефир домой. Он не выезжал на вызов. Он был свидетелем. Он остановился, чтобы помочь.

Ира замирает.

— Он остановился?

— Он увидел аварию, — говорит Костя. — Он остановился, чтобы помочь. Он вызвал скорую. Он говорил по рации. Он сказал «скорая, срочно». И он услышал, как ты ответила. «Принято, бригада выезжает». А потом — эта запись. «Не надо. Я сам». Это был мой голос. Я сказал это. Я не знал, что он слышит. Я не знал, что он на связи.

Ира смотрит на дверь. Свет под ней — мигает. Охранник в коридоре. Она слышит, как он кашляет.

— Ты сказал «не надо», — говорит она. — Ты сказал это.

— Я сказал, потому что я видел тебя, — говорит Костя. — Я видел, как ты стоишь над братом. Я видел, как ты плачешь. Я думал, ты вызвала скорую. Я не знал, что ты не вызвала. Я не знал, что мой отец слышит, как я говорю «не надо». Я не знал, что он потом скажет «я сам».

Ира закрывает глаза. В темноте — голоса. Свой — повторяющий слова. И голос отца — низкий, с хрипотцой, прокуренный насквозь. «Я сам». Как он сказал это? Он сказал «я сам» — и она не передала вызов. Она слушала, как он говорит «я сам», и она не передала вызов.

— Он умер из-за меня, — говорит она.

— Он умер, потому что я сказал «не надо», — говорит Костя. — Мы оба виноваты. Мы оба в этой яме.

Ира открывает глаза. Смотрит на телефон. На часы. На дверь. На свои пальцы — сжатые в кулак на флешке.

— Я выйду через запасной выход, — говорит она. — Я сяду в твою машину. Я расскажу тебе, что я знаю. Но ты расскажешь мне всё про отца. И ты не тронешь меня.

— Ты думаешь, я позволю тебе просто уйти? — говорит Костя. — Теперь мы оба в этой яме — и я вытащу нас, даже если придётся утопить тебя.

Ира выключает телефон. Суёт его в карман. Смотрит на дверь. Охранник кашляет. Свет мигает.

Она встаёт. Идёт к запасному выходу.

В коридоре пахнет хлоркой и старой краской. Она идёт медленно, считая шаги. Двадцать семь. Двадцать восемь. Двадцать девять. За спиной — архив, тёмный, с полосами света из-под двери. Охранник кашляет. Шаги — её собственные, но звучат чужими, как чужие шаги в пустом коридоре.

Запасной выход — тяжёлая железная дверь с табличкой «Аварийный». Она толкает её плечом. Петли скрипят. Снаружи — ночь, мокрая, с редкими фонарями на стоянке. Холодный воздух бьёт в лицо. Она делает шаг, второй — и останавливается.

За стоянкой, в тени тополей, стоит «Газель». Тёмная, с номером на брезенте — 04А. Фары выключены. Двигатель работает — она слышит низкий гул, как дыхание большого зверя.

Ира подходит. Дверца открывается — изнутри, чуть-чуть. Свет из салона падает на асфальт — узкая полоса, жёлтая, как предупреждение.

— Садись, — говорит Костя. Он сидит за рулём, локти на коленях, голова опущена. В салоне пахнет табаком и кефиром — картонный стаканчик в подстаканнике, тёплый ещё, как будто он привёз его с собой.

— Ты пьёшь кефир, — говорит она.

— Отец пил, — говорит он. — Я привёз ему в больницу. Он сказал — потом. Не допил.

Ира садится. Дверца захлопывается — тяжело, с металлическим щелчком, как замок в архиве. Она смотрит на стаканчик. На ободке — след от губ, высохший, белый.

— Зачем ты привёз его сюда? — говорит она.

— Не знаю. Привычка.

Она молчит. Смотрит через лобовое стекло — на стоянку, на фонарь, который мигает каждые тридцать секунд, как лампа в коридоре.

— Расскажи про отца, — говорит она.

Костя молчит. Потом трёт лицо ладонью — быстро, резко, как будто смывает что-то.

— Он говорил «на связи» всегда. Даже когда не был на смене. Я смеялся. Он звонил мне — «на связи». Я говорил «пап, ты не на работе». — Он смотрит в ветровое стекло. — Он говорил: «Я всегда на связи. Если что — набери меня. Я приеду».

Ира смотрит на стаканчик. Кефир. Тёплый. Она помнит этот запах — кислый, молочный, из детства, когда бабушка давала ей стакан кефира перед сном.

— Он был хорошим, — говорит Костя. — Он не заслужил. Он не пил. Он не курил. Он работал. Он приносил домой кефир — каждую смену, как талисман. И в ту ночь он вёз кефир домой. Он не выезжал на вызов. Он был свидетелем. Он остановился, чтобы помочь.

Ира замирает.

— Он остановился?

— Он увидел аварию, — говорит Костя. — Он остановился, чтобы помочь. Он вызвал скорую. Он говорил по рации. Он сказал «скорая, срочно». И он услышал, как ты ответила. «Принято, бригада выезжает». А потом — эта запись. «Не надо. Я сам». Это был мой голос. Я сказал это. Я не знал, что он слышит. Я не знал, что он на связи.

Ира смотрит на дверь. Свет под ней — мигает. Охранник в коридоре. Она слышит, как он кашляет.

— Ты сказал «не надо», — говорит она. — Ты сказал это.

— Я сказал, потому что я видел тебя, — говорит Костя. — Я видел, как ты стоишь над братом. Я видел, как ты плачешь. Я думал, ты вызвала скорую. Я не знал, что ты не вызвала. Я не знал, что мой отец слышит, как я говорю «не надо». Я не знал, что он потом скажет «я сам».

Ира закрывает глаза. В темноте — голоса. Свой — повторяющий слова. И голос отца — низкий, с хрипотцой, прокуренный насквозь. «Я сам». Как он сказал это? Он сказал «я сам» — и она не передала вызов. Она слушала, как он говорит «я сам», и она не передала вызов.

— Он умер из-за меня, — говорит она.

— Он умер, потому что я сказал «не надо», — говорит Костя. — Мы оба виноваты. Мы оба в этой яме.

Ира открывает глаза. Смотрит на телефон. На часы. На дверь. На свои пальцы — сжатые в кулак на флешке.

— Я выйду через запасной выход, — говорит она. — Я сяду в твою машину. Я расскажу тебе, что я знаю. Но ты расскажешь мне всё про отца. И ты не тронешь меня.

— Ты думаешь, я позволю тебе просто уйти? — говорит Костя. — Теперь мы оба в этой яме — и я вытащу нас, даже если придётся утопить тебя.

Ира выключает телефон. Суёт его в карман. Смотрит на дверь. Охранник кашляет. Свет мигает.

Она встаёт. Идёт к запасному выходу.

В коридоре пахнет хлоркой и старой краской. Она идёт медленно, считая шаги. Двадцать семь. Двадцать восемь. Двадцать девять. За спиной — архив, тёмный, с полосами света из-под двери. Охранник кашляет. Шаги — её собственные, но звучат чужими, как чужие шаги в пустом коридоре.

Запасной выход — тяжёлая железная дверь с табличкой «Аварийный». Она толкает её плечом. Петли скрипят. Снаружи — ночь, мокрая, с редкими фонарями на стоянке. Холодный воздух бьёт в лицо. Она делает шаг, второй — и останавливается.

За стоянкой, в тени тополей, стоит «Газель». Тёмная, с номером на брезенте — 04А. Фары выключены. Двигатель работает — она слышит низкий гул, как дыхание большого зверя.

Ира подходит. Дверца открывается — изнутри, чуть-чуть. Свет из салона падает на асфальт — узкая полоса, жёлтая, как предупреждение.

— Садись, — говорит Костя. Он сидит за рулём, локти на коленях, голова опущена. В салоне пахнет табаком и кефиром — картонный стаканчик в подстаканнике, тёплый ещё, как будто он привёз его с собой.

— Ты пьёшь кефир, — говорит она.

— Отец пил, — говорит он. — Я привёз ему в больницу. Он сказал — потом. Не допил.

Ира садится. Дверца захлопывается — тяжело, с металлическим щелчком, как замок в архиве. Она смотрит на стаканчик. На ободке — след от губ, высохший, белый.

— Зачем ты привёз его сюда? — говорит она.

— Не знаю. Привычка.

Она молчит. Смотрит через лобовое стекло — на стоянку, на фонарь, который мигает каждые тридцать секунд, как лампа в коридоре.

— Расскажи про отца, — говорит она.

Костя молчит. Потом трёт лицо ладонью — быстро, резко, как будто смывает что-то.

— Он говорил «на связи» всегда. Даже когда не был на смене. Я смеялся. Он звонил мне — «на связи». Я говорил «пап, ты не на работе». — Он смотрит в ветровое стекло. — Он говорил: «Я всегда на связи. Если что — набери меня. Я приеду».

Ира смотрит на стаканчик. Кефир. Тёплый. Она помнит этот запах — кислый, молочный, из детства, когда бабушка давала ей стакан кефира перед сном.

— Он был хорошим, — говорит Костя. — Он не заслужил. Он не пил. Он не курил. Он работал. Он приносил домой кефир — каждую смену, как талисман. И в ту ночь он вёз кефир домой. Он не выезжал на вызов. Он был свидетелем. Он остановился, чтобы помочь.

Ира замирает.

— Он остановился?

— Он увидел аварию, — говорит Костя. — Он остановился, чтобы помочь. Он вызвал скорую. Он говорил по рации. Он сказал «скорая, срочно». И он услышал, как ты ответила. «Принято, бригада выезжает». А потом — эта запись. «Не надо. Я сам». Это был мой голос. Я сказал это. Я не знал, что он слышит. Я не знал, что он на связи.

Ира смотрит на дверь. Свет под ней — мигает. Охранник в коридоре. Она слышит, как он кашляет.

— Ты сказал «не надо», — говорит она. — Ты сказал это.

— Я сказал, потому что я видел тебя, — говорит Костя. — Я видел, как ты стоишь над братом. Я видел, как ты плачешь. Я думал, ты вызвала скорую. Я не знал, что ты не вызвала. Я не знал, что мой отец слышит, как я говорю «не надо». Я не знал, что он потом скажет «я сам».

Ира закрывает глаза. В темноте — голоса. Свой — повторяющий слова. И голос отца — низкий, с хрипотцой, прокуренный насквозь. «Я сам». Как он сказал это? Он сказал «я сам» — и она не передала вызов. Она слушала, как он говорит «я сам», и она не передала вызов.

— Он умер из-за меня, — говорит она.

— Он умер, потому что я сказал «не надо», — говорит Костя. — Мы оба виноваты. Мы оба в этой яме.

Ира открывает глаза. Смотрит на телефон. На часы. На дверь. На свои пальцы — сжатые в кулак на флешке.

— Я выйду через запасной выход, — говорит она. — Я сяду в твою машину. Я расскажу тебе, что я знаю. Но ты расскажешь мне всё про отца. И ты не тронешь меня.

— Ты думаешь, я позволю тебе просто уйти? — говорит Костя. — Теперь мы оба в этой яме — и я вытащу нас, даже если придётся утопить тебя.

Ира выключает телефон. Суёт его в карман. Смотрит на дверь. Охранник кашляет. Свет мигает.

Она встаёт. Идёт к запасному выходу.

В коридоре пахнет хлоркой и старой краской. Она идёт медленно, считая шаги. Двадцать семь. Двадцать восемь. Двадцать девять. За спиной — архив, тёмный, с полосами света из-под двери. Охранник кашляет. Шаги — её собственные, но звучат чужими, как чужие шаги в пустом коридоре.

Запасной выход — тяжёлая железная дверь с табличкой «Аварийный». Она толкает её плечом. Петли скрипят. Снаружи — ночь, мокрая, с редкими фонарями на стоянке. Холодный воздух бьёт в лицо. Она делает шаг, второй — и останавливается.

За стоянкой, в тени тополей, стоит «Газель». Тёмная, с номером на брезенте — 04А. Фары выключены. Двигатель работает — она слышит низкий гул, как дыхание большого зверя.

Ира подходит. Дверца открывается — изнутри, чуть-чуть. Свет из салона падает на асфальт — узкая полоса, жёлтая, как предупреждение.

— Садись, — говорит Костя. Он сидит за рулём, локти на коленях, голова опущена. В салоне пахнет табаком и кефиром — картонный стаканчик в подстаканнике, тёплый ещё, как будто он привёз его с собой.

— Ты пьёшь кефир, — говорит она.

— Отец пил, — говорит он. — Я привёз ему в больницу. Он сказал — потом. Не допил.

Ира садится. Дверца захлопывается — тяжело, с металлическим щелчком, как замок в архиве. Она смотрит на стаканчик. На ободке — след от губ, высохший, белый.

— Зачем ты привёз его сюда? — говорит она.

— Не знаю. Привычка.

Она молчит. Смотрит через лобовое стекло — на стоянку, на фонарь, который мигает каждые тридцать секунд, как лампа в коридоре.

— Расскажи про отца, — говорит она.

Костя молчит. Потом трёт лицо ладонью — быстро, резко, как будто смывает что-то.

— Он говорил «на связи» всегда. Даже когда не был на смене. Я смеялся. Он звонил мне — «на связи». Я говорил «пап, ты не на работе». — Он смотрит в ветровое стекло. — Он говорил: «Я всегда на связи. Если что — набери меня. Я приеду».

Ира смотрит на стаканчик. Кефир. Тёплый. Она помнит этот запах — кислый, молочный, из детства, когда бабушка давала ей стакан кефира перед сном.

— Он был хорошим, — говорит Костя. — Он не заслужил. Он не пил. Он не курил. Он работал. Он приносил домой кефир — каждую смену, как талисман. И в ту ночь он вёз кефир домой. Он не выезжал на вызов. Он был свидетелем. Он остановился, чтобы помочь.

Ира замирает.

— Он остановился?

— Он увидел аварию, — говорит Костя. — Он остановился, чтобы помочь. Он вызвал скорую. Он говорил по рации. Он сказал «скорая, срочно». И он услышал, как ты ответила. «Принято, бригада выезжает». А потом — эта запись. «Не надо. Я сам». Это был мой голос. Я сказал это. Я не знал, что он слышит. Я не знал, что он на связи.

Ира смотрит на дверь. Свет под ней — мигает. Охранник в коридоре. Она слышит, как он кашляет.

— Ты сказал «не надо», — говорит она. — Ты сказал это.

— Я сказал, потому что я видел тебя, — говорит Костя. — Я видел, как ты стоишь над братом. Я видел, как ты плачешь. Я думал, ты вызвала скорую. Я не знал, что ты не вызвала. Я не знал, что мой отец слышит, как я говорю «не надо». Я не знал, что он потом скажет «я сам».

Ира закрывает глаза. В темноте — голоса. Свой — повторяющий слова. И голос отца — низкий, с хрипотцой, прокуренный насквозь. «Я сам». Как он сказал это? Он сказал «я сам» — и она не передала вызов. Она слушала, как он говорит «я сам», и она не передала вызов.

— Он умер из-за меня, — говорит она.

— Он умер, потому что я сказал «не надо», — говорит Костя. — Мы оба виноваты. Мы оба в этой яме.

Ира открывает глаза. Смотрит на телефон. На часы. На дверь. На свои пальцы — сжатые в кулак на флешке.

— Я выйду через запасной выход, — говорит она. — Я сяду в твою машину. Я расскажу тебе, что я знаю. Но ты расскажешь мне всё про отца. И ты не тронешь меня.

— Ты думаешь, я позволю тебе просто уйти? — говорит Костя. — Теперь мы оба в этой яме — и я вытащу нас, даже если придётся утопить тебя.

Ира выключает телефон. Суёт его в карман. Смотрит на дверь. Охранник кашляет. Свет мигает.

Она встаёт. Идёт к запасному выходу.

В коридоре пахнет хлоркой и старой краской. Она идёт медленно, считая шаги. Двадцать семь. Двадцать восемь. Двадцать девять. За спиной — архив, тёмный, с полосами света из-под двери. Охранник кашляет. Шаги — её собственные, но звучат чужими, как чужие шаги в пустом коридоре.

Запасной выход — тяжёлая железная дверь с табличкой «Аварийный». Она толкает её плечом. Петли скрипят. Снаружи — ночь, мокрая, с редкими фонарями на стоянке. Холодный воздух бьёт в лицо. Она делает шаг, второй — и останавливается.

За стоянкой, в тени тополей, стоит «Газель». Тёмная, с номером на брезенте — 04А. Фары выключены. Двигатель работает — она слышит низкий гул, как дыхание большого зверя.

Ира подходит. Дверца открывается — изнутри, чуть-чуть. Свет из салона падает на асфальт — узкая полоса, жёлтая, как предупреждение.

— Садись, — говорит Костя. Он сидит за рулём, локти на коленях, голова опущена. В салоне пахнет табаком и кефиром — картонный стаканчик в подстаканнике, тёплый ещё, как будто он привёз его с собой.

— Ты пьёшь кефир, — говорит она.

— Отец пил, — говорит он. — Я привёз ему в больницу. Он сказал — потом. Не допил.

Ира садится. Дверца захлопывается — тяжело, с металлическим щелчком, как замок в архиве. Она смотрит на стаканчик. На ободке — след от губ, высохший, белый.

— Зачем ты привёз его сюда? — говорит она.

— Не знаю. Привычка.

Она молчит. Смотрит через лобовое стекло — на стоянку, на фонарь, который мигает каждые тридцать секунд, как лампа в коридоре.

— Расскажи про отца, — говорит она.

Костя молчит. Потом трёт лицо ладонью — быстро, резко, как будто смывает что-то.

— Он говорил «на связи» всегда. Даже когда не был на смене. Я смеялся. Он звонил мне — «на связи». Я говорил «пап, ты не на работе». — Он смотрит в ветровое стекло. — Он говорил: «Я всегда на связи. Если что — набери меня. Я приеду».

Ира смотрит на стаканчик. Кефир. Тёплый. Она помнит этот запах — кислый, молочный, из детства, когда бабушка давала ей стакан кефира перед сном.

— Он был хорошим, — говорит Костя. — Он не заслужил. Он не пил. Он не курил. Он работал. Он приносил домой кефир — каждую смену, как талисман. И в ту ночь он вёз кефир домой. Он не выезжал на вызов. Он был свидетелем. Он остановился, чтобы помочь.

Ира замирает.

— Он остановился?

— Он увидел аварию, — говорит Костя. — Он остановился, чтобы помочь. Он вызвал скорую. Он говорил по рации. Он сказал «скорая, срочно». И он услышал, как ты ответила. «Принято, бригада выезжает». А потом — эта запись. «Не надо. Я сам». Это был мой голос. Я сказал это. Я не знал, что он слышит. Я не знал, что он на связи.

Ира смотрит на дверь. Свет под ней — мигает. Охранник в коридоре. Она слышит, как он кашляет.

— Ты сказал «не надо», — говорит она. — Ты сказал это.

— Я сказал, потому что я видел тебя, — говорит Костя. — Я видел, как ты стоишь над братом. Я видел, как ты плачешь. Я думал, ты вызвала скорую. Я не знал, что ты не вызвала. Я не знал, что мой отец слышит, как я говорю «не надо». Я не знал, что он потом скажет «я сам».

Ира закрывает глаза. В темноте — голоса. Свой — повторяющий слова. И голос отца — низкий, с хрипотцой, прокуренный насквозь. «Я сам». Как он сказал это? Он сказал «я сам» — и она не передала вызов. Она слушала, как он говорит «я сам», и она не передала вызов.

— Он умер из-за меня, — говорит она.

— Он умер, потому что я сказал «не надо», — говорит Костя. — Мы оба виноваты. Мы оба в этой яме.

Ира открывает глаза. Смотрит на телефон. На часы. На дверь. На свои пальцы — сжатые в кулак на флешке.

— Я выйду через запасной выход, — говорит она. — Я сяду в твою машину. Я расскажу тебе, что я знаю. Но ты расскажешь мне всё про отца. И ты не тронешь меня.

— Ты думаешь, я позволю тебе просто уйти? — говорит Костя. — Теперь мы оба в этой яме — и я вытащу нас, даже если придётся утопить тебя.

Ира выключает телефон. Суёт его в карман. Смотрит на дверь. Охранник кашляет. Свет мигает.

Она встаёт. Идёт к запасному выходу.

В коридоре пахнет хлоркой и старой краской. Она идёт медленно, считая шаги. Двадцать семь. Двадцать восемь. Двадцать девять. За спиной — архив, тёмный, с полосами света из-под двери. Охранник кашляет. Шаги — её собственные, но звучат чужими, как чужие шаги в пустом коридоре.

Запасной выход — тяжёлая железная дверь с табличкой «Аварийный». Она толкает её плечом. Петли скрипят. Снаружи — ночь, мокрая, с редкими фонарями на стоянке. Холодный воздух бьёт в лицо. Она делает шаг, второй — и останавливается.

За стоянкой, в тени тополей, стоит «Газель». Тёмная, с номером на брезенте — 04А. Фары выключены. Двигатель работает — она слышит низкий гул, как дыхание большого зверя.

Ира подходит. Дверца открывается — изнутри, чуть-чуть. Свет из салона падает на асфальт — узкая полоса, жёлтая, как предупреждение.

— Садись, — говорит Костя. Он сидит за рулём, локти на коленях, голова опущена. В салоне пахнет табаком и кефиром — картонный стаканчик в подстаканнике, тёплый ещё, как будто он привёз его с собой.

— Ты пьёшь кефир, — говорит она.

— Отец пил, — говорит он. — Я привёз ему в больницу. Он сказал — потом. Не допил.

Ира садится. Дверца захлопывается — тяжело, с металлическим щелчком, как замок в архиве. Она смотрит на стаканчик. На ободке — след от губ, высохший, белый.

— Зачем ты привёз его сюда? — говорит она.

— Не знаю. Привычка.

Она молчит. Смотрит через лобовое стекло — на стоянку, на фонарь, который мигает каждые тридцать секунд, как лампа в коридоре.

— Расскажи про отца, — говорит она.

Костя молчит. Потом трёт лицо ладонью — Он говорил «на связи» всегда. Даже когда не был на смене. Я смеялся. Он звонил мне — «на связи». Я говорил «пап, ты не на работе». — Он смотрит в ветровое стекло. — Он говорил: «Я всегда на связи. Если что — набери меня. Я приеду».

Ира смотрит на стаканчик. Кефир. Тёплый. Она помнит этот запах — кислый, молочный, из детства, когда бабушка давала ей стакан кефира перед сном.

— Он был хорошим, — говорит Костя. — Он не заслужил. Он не пил. Он не курил. Он работал. Он приносил домой кефир — каждую смену, как талисман. И в ту ночь он вёз кефир домой. Он не выезжал на вызов. Он был свидетелем. Он остановился, чтобы помочь.

Ира замирает.

— Он остановился?

— Он увидел аварию, — говорит Костя. — Он остановился, чтобы помочь. Он вызвал скорую. Он говорил по рации. Он сказал «скорая, срочно». И он услышал, как ты ответила. «Принято, бригада выезжает». А потом — эта запись. «Не надо. Я сам». Это был мой голос. Я сказал это. Я не знал, что он слышит. Я не знал, что он на связи.

Ира смотрит на дверь. Свет под ней — мигает. Охранник в коридоре. Она слышит, как он кашляет.

— Ты сказал «не надо», — говорит она. — Ты сказал это.

— Я сказал, потому что я видел тебя, — говорит Костя. — Я видел, как ты стоишь над братом. Я видел, как ты плачешь. Я думал, ты вызвала скорую. Я не знал, что ты не вызвала. Я не знал, что мой отец слышит, как я говорю «не надо». Я не знал, что он потом скажет «я сам».

Ира закрывает глаза. В темноте — голоса. Свой — повторяющий слова. И голос отца — низкий, с хрипотцой, прокуренный насквозь. «Я сам». Как он сказал это? Он сказал «я сам» — и она не передала вызов. Она слушала, как он говорит «я сам», и она не передала вызов.

— Он умер из-за меня, — говорит она.

— Он умер, потому что я сказал «не надо», — говорит Костя. — Мы оба виноваты. Мы оба в этой яме.

Ира открывает глаза. Смотрит на телефон. На часы. На дверь. На свои пальцы — сжатые в кулак на флешке.

— Я выйду через запасной выход, — говорит она. — Я сяду в твою машину. Я расскажу тебе, что я знаю. Но ты расскажешь мне всё про отца. И ты не тронешь меня.

— Ты думаешь, я позволю тебе просто уйти? — говорит Костя. — Теперь мы оба в этой яме — и я вытащу нас, даже если придётся утопить тебя.

Ира выключает телефон. Суёт его в карман. Смотрит на дверь. Охранник кашляет. Свет мигает.

Она встаёт. Идёт к запасному выходу.

Запасной выход — тяжёлая железная дверь с табличкой «Аварийный». Она толкает её плечом. Петли скрипят. Снаружи — ночь, мокрая, с редкими фонарями на стоянке. Холодный воздух бьёт в лицо. Она делает шаг, второй — и останавливается.

За стоянкой, в тени тополей, стоит «Газель». Тёмная, с номером на брезенте — 04А. Фары выключены. Двигатель работает — она слышит низкий гул, как дыхание большого зверя.

Ира подходит. Дверца открывается — изнутри, чуть-чуть. Свет из салона падает на асфальт — узкая полоса, жёлтая, как предупреждение.

— Садись, — говорит Костя. Он сидит за рулём, локти на коленях, голова опущена. В салоне пахнет табаком и кефиром — картонный стаканчик в подстаканнике, тёплый ещё, как будто он привёз его с собой.

— Ты пьёшь кефир, — говорит она.

— Отец пил, — говорит он. — Я привёз ему в больницу. Он сказал — потом. Не допил.

Ира садится. Дверца захлопывается — тяжело, с металлическим щелчком, как замок в архиве. Она смотрит на стаканчик. На ободке — след от губ, высохший, белый.

— Зачем ты привёз его сюда? — говорит она.

— Не знаю. Привычка.

Она молчит. Смотрит через лобовое стекло — на стоянку, на фонарь, который мигает каждые тридцать секунд, как лампа в коридоре.

— Расскажи про отца, — говорит она.

Костя молчит. Потом трёт лицо ладонью — быстро, резко, как будто смывает что-то.

— Он говорил «на связи» всегда. Даже когда не был на смене. Я смеялся. Он звонил мне — «на связи». Я говорил «пап, ты не на работе». — Он смотрит в ветровое стекло. — Он говорил: «Я всегда на связи. Если что — набери меня. Я приеду».

Ира смотрит на стаканчик. Кефир. Тёплый. Она помнит этот запах — кислый, молочный, из детства, когда бабушка давала ей стакан кефира перед сном.

— Он был хорошим, — говорит Костя. — Он не заслужил. Он не пил. Он не курил. Он работал. Он приносил домой кефир — каждую смену, как талисман. И в ту ночь он вёз кефир домой. Он не выезжал на вызов. Он был свидетелем. Он остановился, чтобы помочь.

Ира замирает.

— Он остановился?

— Он увидел аварию, — говорит Костя. — Он остановился, чтобы помочь. Он вызвал скорую. Он говорил по рации. Он сказал «скорая, срочно». И он услышал, как ты ответила. «Принято, бригада выезжает». А потом — эта запись. «Не надо. Я сам». Это был мой голос. Я сказал это. Я не знал, что он слышит. Я не знал, что он на связи.

Ира смотрит на дверь. Свет под ней — мигает. Охранник в коридоре. Она слышит, как он кашляет.

— Ты сказал «не надо», — говорит она. — Ты сказал это.

— Я сказал, потому что я видел тебя, — говорит Костя. — Я видел, как ты стоишь над братом. Я видел, как ты плачешь. Я думал, ты вызвала скорую. Я не знал, что ты не вызвала. Я не знал, что мой отец слышит, как я говорю «не надо». Я не знал, что он потом скажет «я сам».

Ира закрывает глаза. В темноте — голоса. Свой — повторяющий слова. И голос отца — низкий, с хрипотцой, прокуренный насквозь. «Я сам». Как он сказал это? Он сказал «я сам» — и она не передала вызов. Она слушала, как он говорит «я сам», и она не передала вызов.

— Он умер из-за меня, — говорит она.

— Он умер, потому что я сказал «не надо», — говорит Костя. — Мы оба виноваты. Мы оба в этой яме.

Ира открывает глаза. Смотрит на телефон. На часы. На дверь. На свои пальцы — сжатые в кулак на флешке.

— Я выйду через запасной выход, — говорит она. — Я сяду в твою машину. Я расскажу тебе, что я знаю. Но ты расскажешь мне всё про отца. И ты не тронешь меня.

— Ты думаешь, я позволю тебе просто уйти? — говорит Костя. — Теперь мы оба в этой яме — и я вытащу нас, даже если придётся утопить тебя.

Ира выключает телефон. Суёт его в карман. Смотрит на дверь. Охранник кашляет. Свет мигает.

Она встаёт. Идёт к запасному выходу.

В коридоре пахнет хлоркой и старой краской. Она идёт медленно, считая шаги. Двадцать семь. Двадцать восемь. Двадцать девять. За спиной — архив, тёмный, с полосами света из-под двери. Охранник кашляет. Шаги — её собственные, но звучат чужими, как чужие шаги в пустом коридоре.

Запасной выход — тяжёлая железная дверь с табличкой «Аварийный». Она толкает её плечом. Петли скрипят. Снаружи — ночь, мокрая, с редкими фонарями на стоянке. Холодный воздух бьёт в лицо. Она делает шаг, второй — и останавливается.

За стоянкой, в тени тополей, стоит «Газель». Тёмная, с номером на брезенте — 04А. Фары выключены. Двигатель работает — она слышит низкий гул, как дыхание большого зверя.

Ира подходит. Дверца открывается — изнутри, чуть-чуть. Свет из салона падает на асфальт — узкая полоса, жёлтая, как предупреждение.

— Садись, — говорит Костя. Он сидит за рулём, локти на коленях, голова опущена. В салоне пахнет табаком и кефиром — картонный стаканчик в подстаканнике, тёплый ещё, как будто он привёз его с собой.

— Ты пьёшь кефир, — говорит она.

— Отец пил, — говорит он. — Я привёз ему в больницу. Он сказал — потом. Не допил.

Ира садится. Дверца захлопывается — тяжело, с металлическим щелчком, как замок в архиве. Она смотрит на стаканчик. На ободке — след от губ, высохший, белый.

— Зачем ты привёз его сюда? — говорит она.

— Не знаю. Привычка.

Она молчит. Смотрит через лобовое стекло — на стоянку, на фонарь, который мигает каждые тридцать секунд, как лампа в коридоре.

— Расскажи про отца, — говорит она.

Костя молчит. Потом трёт лицо ладонью — быстро, резко, как будто смывает что-то.

— Он говорил «на связи» всегда. Даже когда не был на смене. Я смеялся. Он звонил мне — «на связи». Я говорил «пап, ты не на работе». — Он смотрит в ветровое стекло. — Он говорил: «Я всегда на связи. Если что — набери меня. Я приеду».

Ира смотрит на стаканчик. Кефир. Тёплый. Она помнит этот запах — кислый, молочный, из детства, когда бабушка давала ей стакан кефира перед сном.

— Он был хорошим, — говорит Костя. — Он не заслужил. Он не пил. Он не курил. Он работал. Он приносил домой кефир — каждую смену, как талисман. И в ту ночь он вёз кефир домой. Он не выезжал на вызов. Он был свидетелем. Он остановился, чтобы помочь.

Ира замирает.

— Он остановился?

— Он увидел аварию, — говорит Костя. — Он остановился, чтобы помочь. Он вызвал скорую. Он говорил по рации. Он сказал «скорая, срочно». И он услышал, как ты ответила. «Принято, бригада выезжает». А потом — эта запись. «Не надо. Я сам». Это был мой голос. Я сказал это. Я не знал, что он слышит. Я не знал, что он на связи.

Ира смотрит на дверь. Свет под ней — мигает. Охранник в коридоре. Она слышит, как он кашляет.

— Ты сказал «не надо», — говорит она. — Ты сказал это.

— Я сказал, потому что я видел тебя, — говорит Костя. — Я видел, как ты стоишь над братом. Я видел, как ты плачешь. Я думал, ты вызвала скорую. Я не знал, что ты не вызвала. Я не знал, что мой отец слышит, как я говорю «не надо». Я не знал, что он потом скажет «я сам».

Ира закрывает глаза. В темноте — голоса. Свой — повторяющий слова. И голос отца — низкий, с хрипотцой, прокуренный насквозь. «Я сам». Как он сказал это? Он сказал «я сам» — и она не передала вызов. Она слушала, как он говорит «я сам», и она не передала вызов.

— Он умер из-за меня, — говорит она.

— Он умер, потому что я сказал «не надо», — говорит Костя. — Мы оба виноваты. Мы оба в этой яме.

Ира открывает глаза. Смотрит на телефон. На часы. На дверь. На свои пальцы — сжатые в кулак на флешке.

— Я выйду через запасной выход, — говорит она. — Я сяду в твою машину. Я расскажу тебе, что я знаю. Но ты расскажешь мне всё про отца. И ты не тронешь меня.

— Ты думаешь, я позволю тебе просто уйти? — говорит Костя. — Теперь мы оба в этой яме — и я вытащу нас, даже если придётся утопить тебя.

Ира выключает телефон. Суёт его в карман. Смотрит на дверь. Охранник кашляет. Свет мигает.

Она встаёт. Идёт к запасному выходу.

В коридоре пахнет хлоркой и старой краской. Она идёт медленно, считая шаги. Двадцать семь. Двадцать восемь. Двадцать девять. За спиной — архив, тёмный, с полосами света из-под двери. Охранник кашляет. Шаги — её собственные, но звучат чужими, как чужие шаги в пустом коридоре.

Запасной выход — тяжёлая железная дверь с табличкой «Аварийный». Она толкает её плечом. Петли скрипят. Снаружи — ночь, мокрая, с редкими фонарями на стоянке. Холодный воздух бьёт в лицо. Она делает шаг, второй — и останавливается.

За стоянкой, в тени тополей, стоит «Газель». Тёмная, с номером на брезенте — 04А. Фары выключены. Двигатель работает — она слышит низкий гул, как дыхание большого зверя.

Ира подходит. Дверца открывается — изнутри, чуть-чуть. Свет из салона падает на асфальт — узкая полоса, жёлтая, как предупреждение.

— Садись, — говорит Костя. Он сидит за рулём, локти на коленях, голова опущена. В салоне пахнет табаком и кефиром — картонный стаканчик в подстаканнике, тёплый ещё, как будто он привёз его с собой.

— Ты пьёшь кефир, — говорит она.

— Отец пил, — говорит он. — Я привёз ему в больницу. Он сказал — потом. Не допил.

Ира садится. Дверца захлопывается — тяжело, с металлическим щелчком, как замок в архиве. Она смотрит на стаканчик. На ободке — след от губ, высохший, белый.

— Зачем ты привёз его сюда? — говорит она.

— Не знаю. Привычка.

Она молчит. Смотрит через лобовое стекло — на стоянку, на фонарь, который мигает каждые тридцать секунд, как лампа в коридоре.

— Расскажи про отца, — говорит она.

Костя молчит. Потом трёт лицо ладонью — быстро, резко, как будто смывает что-то.

— Он говорил «на связи» всегда. Даже когда не был на смене. Я смеялся. Он звонил мне — «на связи». Я говорил «пап, ты не на работе». — Он смотрит в ветровое стекло. — Он говорил: «Я всегда на связи. Если что — набери меня. Я приеду».

Ира смотрит на стаканчик. Кефир. Тёплый. Она помнит этот запах — кислый, молочный, из детства, когда бабушка давала ей стакан кефира перед сном.

— Он был хорошим, — говорит Костя. — Он не заслужил. Он не пил. Он не курил. Он работал. Он приносил домой кефир — каждую смену, как талисман. И в ту ночь он вёз кефир домой. Он не выезжал на вызов. Он был свидетелем. Он остановился, чтобы помочь.

Ира замирает.

— Он остановился?

— Он увидел аварию, — говорит Костя. — Он остановился, чтобы помочь. Он вызвал скорую. Он говорил по рации. Он сказал «скорая, срочно». И он услышал, как ты ответила. «Принято, бригада выезжает». А потом — эта запись. «Не надо. Я сам». Это был мой голос. Я сказал это. Я не знал, что он слышит. Я не знал, что он на связи.

Ира смотрит на дверь. Свет под ней — мигает. Охранник в коридоре. Она слышит, как он кашляет.

— Ты сказал «не надо», — говорит она. — Ты сказал это.

— Я сказал, потому что я видел тебя, — говорит Костя. — Я видел, как ты стоишь над братом. Я видел, как ты плачешь. Я думал, ты вызвала скорую. Я не знал, что ты не вызвала. Я не знал, что мой отец слышит, как я говорю «не надо». Я не знал, что он потом скажет «я сам».

Ира закрывает глаза. В темноте — голоса. Свой — повторяющий слова. И голос отца — низкий, с хрипотцой, прокуренный насквозь. «Я сам». Как он сказал это? Он сказал «я сам» — и она не передала вызов. Она слушала, как он говорит «я сам», и она не передала вызов.

— Он умер из-за меня, — говорит она.

— Он умер, потому что я сказал «не надо», — говорит Костя. — Мы оба виноваты. Мы оба в этой яме.

Ира открывает глаза. Смотрит на телефон. На часы. На дверь. На свои пальцы — сжатые в кулак на флешке.

— Я выйду через запасной выход, — говорит она. — Я сяду в твою машину. Я расскажу тебе, что я знаю. Но ты расскажешь мне всё про отца. И ты не тронешь меня.

— Ты думаешь, я позволю тебе просто уйти? — говорит Костя. — Теперь мы оба в этой яме — и я вытащу нас, даже если придётся утопить тебя.

Ира выключает телефон. Суёт его в карман. Смотрит на дверь. Охранник кашляет. Свет мигает.

Она встаёт. Идёт к запасному выходу.

В коридоре пахнет хлоркой и старой краской. Она идёт медленно, считая шаги. Двадцать семь. Двадцать восемь. Двадцать девять. За спиной — архив, тёмный, с полосами света из-под двери. Охранник кашляет. Шаги — её собственные, но звучат чужими, как чужие шаги в пустом коридоре.

Запасной выход — тяжёлая железная дверь с табличкой «Аварийный». Она толкает её плечом. Петли скрипят. Снаружи — ночь, мокрая, с редкими фонарями на стоянке. Холодный воздух бьёт в лицо. Она делает шаг, второй — и останавливается.

За стоянкой, в тени тополей, стоит «Газель». Тёмная, с номером на брезенте — 04А. Фары выключены. Двигатель работает — она слышит низкий гул, как дыхание большого зверя.

Ира подходит. Дверца открывается — изнутри, чуть-чуть. Свет из салона падает на асфальт — узкая полоса, жёлтая, как предупреждение.

— Садись, — говорит Костя. Он сидит за рулём, локти на коленях, голова опущена. В салоне пахнет табаком и кефиром — картонный стаканчик в подстаканнике, тёплый ещё, как будто он привёз его с собой.

— Ты пьёшь кефир, — говорит она.

— Отец пил, — говорит он. — Я привёз ему в больницу. Он сказал — потом. Не допил.

Ира садится. Дверца захлопывается — тяжело, с металлическим щелчком, как замок в архиве. Она смотрит на стаканчик. На ободке — след от губ, высохший, белый.

— Зачем ты привёз его сюда? — говорит она.

— Не знаю. Привычка.

Она молчит. Смотрит через лобовое стекло — на стоянку, на фонарь, который мигает каждые тридцать секунд, как лампа в коридоре.

— Расскажи про отца, — говорит она.

Костя молчит. Потом трёт лицо ладонью — быстро, резко, как будто смывает что-то.

— Он говорил «на связи» всегда. Даже когда не был на смене. Я смеялся. Он звонил мне — «на связи». Я говорил «пап, ты не на работе». — Он смотрит в ветровое стекло. — Он говорил: «Я всегда на связи. Если что — набери меня. Я приеду».

Ира смотрит на стаканчик. Кефир. Тёплый. Она помнит этот запах — кислый, молочный, из детства, когда бабушка давала ей стакан кефира перед сном.

— Он был хорошим, — говорит Костя. — Он не заслужил. Он не пил. Он не курил. Он работал. Он приносил домой кефир — каждую смену, как талисман. И в ту ночь он вёз кефир домой. Он не выезжал на вызов. Он был свидетелем. Он остановился, чтобы помочь.

Ира замирает.

— Он остановился?

— Он увидел аварию, — говорит Костя. — Он остановился, чтобы помочь. Он вызвал скорую. Он говорил по рации. Он сказал «скорая, срочно». И он услышал, как ты ответила. «Принято, бригада выезжает». А потом — эта запись. «Не надо. Я сам». Это был мой голос. Я сказал это. Я не знал, что он слышит. Я не знал, что он на связи.

Ира смотрит на дверь. Свет под ней — мигает. Охранник в коридоре. Она слышит, как он кашляет.

— Ты сказал «не надо», — говорит она. — Ты сказал это.

— Я сказал, потому что я видел тебя, — говорит Костя. — Я видел, как ты стоишь над братом. Я видел, как ты плачешь. Я думал, ты вызвала скорую. Я не знал, что ты не вызвала. Я не знал, что мой отец слышит, как я говорю «не надо». Я не знал, что он потом скажет «я сам».

Ира закрывает глаза. В темноте — голоса. Свой — повторяющий слова. И голос отца — низкий, с хрипотцой, прокуренный насквозь. «Я сам». Как он сказал это? Он сказал «я сам» — и она не передала вызов. Она слушала, как он говорит «я сам», и она не передала вызов.

— Он умер из-за меня, — говорит она.

— Он умер, потому что я сказал «не надо», — говорит Костя. — Мы оба виноваты. Мы оба в этой яме.

Ира открывает глаза. Смотрит на телефон. На часы. На дверь. На свои пальцы — сжатые в кулак на флешке.

— Я выйду через запасной выход, — говорит она. — Я сяду в твою машину. Я расскажу тебе, что я знаю. Но ты расскажешь мне всё про отца. И ты не тронешь меня.

— Ты думаешь, я позволю тебе просто уйти? — говорит Костя. — Теперь мы оба в этой яме — и я вытащу нас, даже если придётся утопить тебя.

Ира выключает телефон. Суёт его в карман. Смотрит на дверь. Охранник кашляет. Свет мигает.

Она встаёт. Идёт к запасному выходу.

В коридоре пахнет хлоркой и старой краской. Она идёт медленно, считая шаги. Двадцать семь. Двадцать восемь. Двадцать девять. За спиной — архив, тёмный, с полосами света из-под двери. Охранник кашляет. Шаги — её собственные, но звучат чужими, как чужие шаги в пустом коридоре.

Запасной выход — тяжёлая железная дверь с табличкой «Аварийный». Она толкает её плечом. Петли скрипят. Снаружи — ночь, мокрая, с редкими фонарями на стоянке. Холодный воздух бьёт в лицо. Она делает шаг, второй — и останавливается.

За стоянкой, в тени тополей, стоит «Газель». Тёмная, с номером на брезенте — 04А. Фары выключены. Двигатель работает — она слышит низкий гул, как дыхание большого зверя.

Ира подходит. Дверца открывается — изнутри, чуть-чуть. Свет из салона падает на асфальт — узкая полоса, жёлтая, как предупреждение.

— Садись, — говорит Костя. Он сидит за рулём, локти на коленях, голова опущена. В салоне пахнет табаком и кефиром — картонный стаканчик в подстаканнике, тёплый ещё, как будто он привёз его с собой.

— Ты пьёшь кефир, — говорит она.

— Отец пил, — говорит он. — Я привёз ему в больницу. Он сказал — потом. Не допил.

Ира садится. Дверца захлопывается — тяжело, с металлическим щелчком, как замок в архиве. Она смотрит на стаканчик. На ободке — след от губ, высохший, белый.

— Зачем ты привёз его сюда? — говорит она.

— Не знаю. Привычка.

Она молчит. Смотрит через лобовое стекло — на стоянку, на фонарь, который мигает каждые тридцать секунд, как лампа в коридоре.

— Расскажи про отца, — говорит она.

Костя молчит. Потом трёт лицо ладонью — быстро, резко, как будто смывает что-то.

— Он говорил «на связи» всегда. Даже когда не был на смене. Я смеялся. Он звонил мне — «на связи». Я говорил «пап, ты не на работе». — Он смотрит в ветровое стекло. — Он говорил: «Я всегда на связи. Если что — набери меня. Я приеду».

Ира смотрит на стаканчик. Кефир. Тёплый. Она помнит этот запах — кислый, молочный, из детства, когда бабушка давала ей стакан кефира перед сном.

— Он был хорошим, — говорит Костя. — Он не заслужил. Он не пил. Он не курил. Он работал. Он приносил домой кефир — каждую смену, как талисман. И в ту ночь он вёз кефир домой. Он не выезжал на вызов. Он был свидетелем. Он остановился, чтобы помочь.

Ира замирает.

— Он остановился?

— Он увидел аварию, — говорит Костя. — Он остановился, чтобы помочь. Он вызвал скорую. Он говорил по рации. Он сказал «скорая, срочно». И он услышал, как ты ответила. «Принято, бригада выезжает». А потом — эта запись. «Не надо. Я сам». Это был мой голос. Я сказал это. Я не знал, что он слышит. Я не знал, что он на связи.

Ира смотрит на дверь. Свет под ней — мигает. Охранник в коридоре. Она слышит, как он кашляет.

— Ты сказал «не надо», — говорит она. — Ты сказал это.

— Я сказал, потому что я видел тебя, — говорит Костя. — Я видел, как ты стоишь над братом. Я видел, как ты плачешь. Я думал, ты вызвала скорую. Я не знал, что ты не вызвала. Я не знал, что мой отец слышит, как я говорю «не надо». Я не знал, что он потом скажет «я сам».

Ира закрывает глаза. В темноте — голоса. Свой — повторяющий слова. И голос отца — низкий, с хрипотцой, прокуренный насквозь. «Я сам». Как он сказал это? Он сказал «я сам» — и она не передала вызов. Она слушала, как он говорит «я сам», и она не передала вызов.

— Он умер из-за меня, — говорит она.

— Он умер, потому что я сказал «не надо», — говорит Костя. — Мы оба виноваты. Мы оба в этой яме.

Ира открывает глаза. Смотрит на телефон. На часы. На дверь. Насвои пальцы — сжатые в кулак на флешке.

— Я выйду через запасной выход, — говорит она. — Я сяду в твою машину. Я расскажу тебе, что я знаю. Но ты расскажешь мне всё про отца. И ты не тронешь меня.

— Ты думаешь, я позволю тебе просто уйти? — говорит Костя. — Теперь мы оба в этой яме — и я вытащу нас, даже если придётся утопить тебя.

Ира выключает телефон. Суёт его в карман. Смотрит на дверь. Охранник кашляет. Свет мигает.

Она встаёт. Идёт к запасному выходу.

Запасной выход — тяжёлая железная дверь с табличкой «Аварийный». Она толкает её плечом. Петли скрипят. Снаружи — ночь, мокрая, с редкими фонарями на стоянке. Холодный воздух бьёт в лицо. Она делает шаг, второй — и останавливается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.